

Татьяна
Краснова

МИРАЖИ СЧАСТЬЯ
В МАЛЕНЬКОМ
ГОРОДЕ

Мужские истории

Женские истории

Татьяна Краснова

**Миражи счастья в
маленьком городе**

«Центрполиграф»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Краснова Т. А.

Миражи счастья в маленьком городе / Т. А. Краснова —
«Центрполиграф», 2019 — (Женские истории)

ISBN 978-5-227-08836-9

Марина привыкла быть в центре внимания, но ее отношение к тесному кружку друзей детства именно дружеское, ей не нравится, что кто-то может счесть их свитой избалованной девчонки. Внезапно среди друзей появляется Николай Берестов, которого все зовут просто Ник, многогранный, интересный порывистый и увлекающийся. Марине никогда не бывает спокойно с Ником, и их отношения ровными не назовешь: они то на грани разрыва, то пребывают в состоянии редких гармонии и близости. Как же понять, что за человек этот неугомонный Николай Берестов, какое будущее ждет с ним Марину? А может, важнее разобраться в себе и ответить на вопрос: любовь – это мираж или сила,двигающая миром?

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-08836-9

© Краснова Т. А., 2019
© Центрполиграф, 2019

Содержание

Часть первая	6
Марш за дверь	6
Волшебное кольцо	7
Странный Дом	8
Ослы дремучие	9
Наших бьют	11
Повезло	12
Голос нашей истории	13
Комплекс неполноценности	14
Она шла в середине	15
Сумасшедшая Ева	16
Твоя сестра	17
Как в кино	18
Подружиться захотела?	19
Выгодный товар	20
Птица феникс пока не работает	21
Почему он в тебя не влюбился?	22
Мы тебя любим	23
Пора перебираться	24
Лучше вернись!	25
Девушки всегда чего-нибудь хотят	26
А что подумают ребята?	27
Вы поссорились, да?	29
Майку сменил!	30
Она своих дружков ни на кого не променяет	31
Расшифровка	34
Если хочется – значит, можно	35
Такое бывает?!	37
Ты ничего не понимаешь	39
Рецепты для влюбленных	41
Как его зовут?	42
Давайте жить дружно	45
Оставайся с нами	47
Загадка снежного человека	49
Не дали посмотреть	50
А я к тебе	53
Подыщи другую школу	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Татьяна Александровна Краснова

Миражи счастья в маленьком городе

© Краснова Т.А., 2019

© «Центрполиграф», 2019

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2019

Часть первая

Марш за дверь

– Это еще что такое! Урок алгебры для нее – пустяки! Можно почитать книжечки!

Рахиль Исаковна возмущенно потрясла отнятым томиком «Властелина колец». Восьмиклассники с удовольствием оторвались от уравнений, хотя глядеть на классную руководительницу и ее жертву – Марину Медведеву – явно не развлекательное зрелище.

Мрачное форменное платье и ворох светлых кудрей по плечам. И что за противная привычка опускать глаза, не опуская дерзко задранной – так кажется Рахили – головы. А Рахиль – это вам не шутка. На ее уроках лучше глядеть ей в рот, закрыв свой собственный.

– Встать! Может, ты хочешь неделю мыть в классе полы? Сядь и открой учебник.

В этом году всех учеников ну просто обломали – ввели форму, и классная выбрала для девочек платья, похожие на ее собственное – глухие, мрачно-коричневые, почти черные. Девочки долго горевали, а потом решили, что некоторым, например Марине Медведевой, этот фасон со стоечкой даже идет.

Урок продолжается. Волшебный Толкиен в плену на учительском столе. Марина машинально открывает учебник, но перед глазами все еще несутся тени Черных Всадников и шепчется Вековечный Лес.

– Теперь она глядит в окно! Науки ее явно не интересуют. Не хочешь учиться – незачем в школу ходить. Марш за дверь! А за книжкой пусть придет отец. Господину Медведеву будет приятно посетить родную школу и узнать, что любимая дочь из нее скоро вылетит.

Дверь хлопнула. Стриженный ежиком шалопай привскочил с места. Рудик Фольц.

– И ты раздумал учиться? Давай дневник!

Классная уловила еще три протестующих взгляда. Пронзительный, непроницаемый, исподлобья – Жанна Лончинская. Сосредоточенный, серьезный – Артур Грачев, лучший ученик в классе. Полный незащищенности и недоумения – Рафаэль Мдивани.

Опять эта компания строптивцев! Ведь специально рассадил их по разным углам.

Волшебное кольцо

Даже когда слова Рахили справедливы, ни у кого не возникает желания исправиться, потому что она стремится не помочь человеку стать лучше, а загнать его глубже в грязь. Марина постояла на школьном крыльце. Солнце сбросило капюшон из туч, и освобожденные лучи затопили весь город. На миг все стало белым: небо, дома. Железные крыши – сплошное слепящее зеркало. Молоденькие листья тополя, завернутые ветром, – льющаяся ртуть. И каждый листик дразнит свободой.

Ну и хорошо, что вырвалась пораньше. Надо успеть купить любимый торт «Волшебное кольцо» – привет, Толкиен! У братика день рождения, и соберется полон дом гостей.

Но в кафе «Забавушка» начинался обед, и очередь сказали не занимать. Может, попросить кого-нибудь? Марина с сомнением поглядела на хмурую старушку и перевела взгляд на мальчишку, своего ровесника, который выбирал мороженое. Протянула ему деньги:

– Возьми мне, пожалуйста... – и начала показывать торт на витрине.

Парень, не оглядываясь, протянул за деньгами руку, а когда Марина повернулась к нему, перед ней никого не было. Она растерянно смотрела на болтающуюся стеклянную дверь. Очередь приняла самое деятельное участие:

– Ну, теперь не догонишь – вон автобус отошел.

Странный Дом

Книжку отобрали, деньги украли. Ну и денек. Но над нежно-зелеными волнами акаций сверкнул золотой кораблик, блеснуло разноцветное окно, и на душе полегчало. Родной дом встречал ее – и надежный, и беспечный, как всегда. «Позови меня с собой», – заливается Пугачева – значит, отец уже дома.

Петровна и Глебовна – старушки, живущие напротив, вытянули шеи. Забор, разделяющий их владения, – наблюдательный пункт. Нравственность и чужие дела всегда под контролем. А уж Медведевы попали в центр их внимания еще до своего приезда.

Шесть лет назад Петровна и Глебовна ахнули: брошенный дом сносят! Какого-нибудь нового русского принесло. Но оказалось, что это сын старой хозяйки, ставший Пал Палычем, вернулся домой, на Зеленую улицу.

Вот только странный дом он построил. На крыше – флюгер в виде парусника, чердачное окно – из красных, синих, желтых стеклышек, вместо старых яблонь – бесполезные акации. В то же время хозяин не был явным чудачком вроде Грачевых с их магазинчиком старья, которое никто не покупает. И выглядел солидно: высокий блондин с пушистыми усами, портфелем внушительных размеров и красным блестящим автомобилем. Преуспевающий юрист.

Интереснее всего, конечно, было, когда же он женится. Медведев приехал один с двумя детьми, восьмилетней девочкой и годовалым малышом. И тут в Странный Дом зачастила соседка! Говорит, что помогает по хозяйству, но старух не проведешь. «Зачем такому красавчику наша Дашка? – размышляла Петровна. – Она не первой молодости». Глебовна возражала: «Зато хозяйка хорошая».

Ослы дремучие

– Глянь, Медведева дочка. Из школы выгоняют, говорят, – сообщила Петровна.

Глебовна не успела ничего ответить, как раздался громкий женский голос:

– Врешь! Больше ее книжек никто не читает!

Дора готова была защищать Марину от всего мира и спешила навстречу – низенькая, кругленькая, с бархатистым смуглым лицом и глазами-вишенками. Вообще-то, она Дарья Васильевна, но Павлик, когда учился говорить, называл ее по-своему, и это имя прилепилось.

– Представляешь, а я деньги на торт потеряла, – сообщила Марина.

– Да Пал Палыч всего накупил, – радостно заторопилась Дора. – А я еще домашний испекла...

Папа был в Маринином любимом настроении: лучезарный, искрящийся, готовый обнять и угостить весь мир.

– Ты одна? А где твоя публика? Мои уже все здесь. Голодные, как крокодилы. Мы на базар заехали, похватали всего по чуть-чуть.

– А я малышам домашний торт испекла, – извиняющимся голосом добавила Дора.

Пал Палыч оглянулся:

– Да-да... Конечно.

Марина увидела сначала вопросительно-робкий взгляд женщины, затем взгляд мужчины, обращенный словно на пустое место, и поторопилась пройти в дом.

Гости Павлика собирали «Лего». Именинник держал мороженое и лизал его по очереди с Рольдом, огромным пятнистым догом.

Из гостиной раздавались сочные мужские голоса. Обычная компания – бывшие папины одноклассники, отцы Марининых друзей: врач Лончинский, музыкант и районный министр культуры Мдивани и майор милиции Фольц. Марина любила послушать их разговоры – собираясь вместе, мужчины забывали о том, что они взрослые.

За дальним концом стола сидит незнакомая дама – не тетка, не женщина. Именно дама. А громче всех слышно дядю Алика, музейщика – он теперь появляется от случая к случаю, потому что уехал работать в Москву.

– ...И насыпает мне изюм, понимаете ли, в кулек из этого самого листа! – Дядя Алик потряс какой-то бумажкой. – Ослы дремучие! Это же семнадцатый век! Откуда взяли?

– Семнадцатый? И не истлел? – Доктор с любопытством вертел листок.

Марина увидела похожие на узор строки.

– Это по-арабски, – пояснил дядя Алик. – Вырвано явно из конца, это не сам текст, а идущая за ним памятная запись, «ишатакаран». Послесловие, как бы мы сейчас сказали. Там автор или переписчик напрямую обращались к читателю. Вот... – И вдохновенно начинает переводить: – «Берегите написанное мною, во времена бегства и години войн увозите книгу эту в город и скройте ее, в мирное же время верните книгу в монастырь и читайте ее: и не прячьте, не держите закрытой, ибо закрытые книги – всего лишь идолы»...

– Постой, Алик, – перебил Мдивани, – так откуда этот лист?

– Ну и посылают меня в тот захудалый магазинчик! Там всякий хлам, понимаете ли, и заодно уголок букиниста. Макулатура навалена. Узнали мой лист! Принес кто-то книгу, давно уже, а никто не покупает, ну и раздергали, понимаете ли, для кульков. Ослы. Что я сделаю? И хозяйки нет, и кто приносил книгу, не помнят.

– И кто бы это мог быть?

– Ну, кто – понятно, коллекционер.

– Отчаянный народ эти коллекционеры. Приключений ищут на свою голову. – И майор Фольц с удовольствием в сотый раз рассказал о собирателе старинных монет и оружия, кото-

рого нашли у него дома с головой, отрубленной его же саблей, и про поимку похитителей сокровищ. После участия в ней он и получил новое звание.

– А они были головорезы или головотяпы? – уточнил Павлик Медведев-младший.

Фольц принялся острить, указывая на доктора, что «тяпы» – это господа хирурги, Павлик спрашивал, всех ли поймали, доктор Лончинский отфутболил, глядя на майора:

– Да разве их всех переловишь!

– Погодите, Холмс и Ватсон, – вмешался Пал Палыч. – Марин, а твой Артур – похоже, это их магазинчик?

– Да, – подхватил музейщик, – узнай, кто приносил старинную книгу. Может, это не коллекционер, а в наследство человек получил. Так ему лучше с нами дело иметь, а не с дрянным провинциальным магазином.

Наших бьют

Уже зажгли и задули свечки, когда явился Рафаэль. Он вручил имениннику значок «Павлик» и наклейки с надписями «Всеобщий любимец», «Налейте шипучки» и «Без телика помру», а потом развалился в кресле. Тонкий, высокий, грациозный, он был похож на цветок, выращенный в оранжерее. И хотя в больших зрачках скользило беспокойство, а на нервном лице сменялись десятки выражений, казалось, что жизнь в нем едва теплится и вот-вот угаснет.

– А Жанка где? А Артур?

– Вы сегодня не торопитесь. Я уж подумала, Рахиль вас где-то заточила.

Тут без стука, но с грохотом в комнату ввалилась Жанна. Смуглое лицо стало пунцовым, черная, заплетенная в косу грива растрепалась. Ни на кого не глядя, она подошла к столу, залпом выпила бутылку воды прямо из горлышка и обвела компанию пронзительным взглядом.

– Трое «чужих» дерутся с Артуром. На пустыре.

Молчание длилось несколько секунд. Марина, Рафаэль и Жанна бросились к выходу. Малыши, вереща, побежали за ними, но Дора их перехватила. Тогда следом понесся Рольд.

По неписаным законам их поселка, когда он еще не слился с городом, «чужими» считались все из белогорского центра. Завести там дружбу с кем-нибудь значило подвергнуться осуждению, завести драку – проявить патриотизм.

– Наверно, опять футбол, – высказала Марина догадку на бегу, прыгающим голосом.

Пустырь был пограничной территорией, мальчишки из обоих районов любили погонять там мяч, и, когда такое желание возникало одновременно, не обходилось без стычек.

Но защитницы опоздали. Взлохмаченный Артур шагал навстречу.

– У тебя кровь на лице, – задохнулась Марина, подбегая.

– Пойдем к моему отцу, – предложила Жанна, но Артур отмахнулся:

– Ни к чему. Вот вытер, и все.

– Так ты врезал всем троим? – удивилась Жанна, начиная видеть в Артуре не книжного червяка, а настоящего мужчину.

Что стоило ему согласиться! Но он возразил:

– Да они сами начали. Мяч на меня полетел, я поймал, а они, наверно, подумали, что я не отдам, и набросились. Ну и – *vae victis*, горе побежденным.

Артур щеголял латынью, которую сам, по доброй воле, недавно начал изучать. Жанна вспыхнула. Позорище! Молчал бы уж.

– Да ладно тебе, – сказала Марина. – Какие они чужие, кто сейчас на это глядит. Что мы, ослы дремучие?

– Нормально все, – добавил Артур. – Могли бы вместе навалиться, но я дрался один на один. Ты бы в него, Жанка, влюбилась.

– Да уж не сомневайся, – вспыхнула Жанна.

Они двинулись к Странному Дому. По пути присоединился Рудик: он размахивал «Властелином колец», которого похитил у Рахили после уроков. Пятнистый дог перебежал от одного героя к другому. Рафаэль, искоса поглядывая на обоих, плелся сбоку.

А дома ждал приятный сюрприз: малыши уже разошлись, взрослые гости тоже уходили. Можно праздновать в свое удовольствие.

– Мариночка, не забудь о книге, – напомнил у порога дядя Алик. – И приезжай в гости, раскопки увидишь. Мы в метро, где новую ветку тянут, такое, понимаете ли, откопали!

Повезло

Какой доход приносил этот магазин, трудно было понять. Плетеные шляпы и корзинки, старые аудио- и видеокассеты, безделушки из ракушек и камешков, китайское тряпье, читанные любовные романы – и ни одного покупателя. За прилавком сидит Артур с отсутствующим видом и читает.

– Ну как, удалось что-то узнать насчет той книги?

– Да мама не помнит. Парень какой-то приносил. Две книжки. Вторая вон лежит, тоже никто не берет.

Марина открыла наугад. Между плотными страницами зашуршала папиросная бумага, закрывавшая раскрашенные изображения цветов и растений.

– Прямо как настоящие! Как будто заложены в книжку и сейчас посыплются.

– Вот и мама думала, что кто-нибудь купит из-за картинок, – пояснил Артур. – Главное, деньги наперед отдала, тот чудака точно не вернется. Не найдем мы его дяде Алику. Никакой это не коллекционер, он не старше нас с тобой. Может, вообще спер эти книжки.

– Какая-то старинная ботаника. – Марина не могла оторваться и все листала. – А это по-латински? Ну-ка, блесни познаниями.

На рисунке была кисть нежно-голубых цветов, у основания вытянутых в трубочку.

– Адамово дерево, – напрягся Артур, – символ совершенства. Птица феникс удостаивает своим посещением только адамово дерево. Легенда какая-то.

Прихватив книжку, Марина пошла дальше по рынку. Она обещала Доре закупить продукты по списку. Вначале тянулись дачные ряды с ходовым весенним товаром – саженцы, рассада, семена. Берестовский питомник торговал всякой экзотикой, папа там покупал акации для сада. Марина остановилась. Не может быть! Заглянула в Артурову книжку. Такое же. Неужели оно, такое нежное, может расти в их климате?

– Еще как может, – подтвердила яркая синеглазая брюнетка, такая же заметная, как и ее товар. – Это трехлетние саженцы, они даже цвести будут в начале лета.

Петровна и Глебовна, заняв свои места у забора, обсуждали новости дня.

– Марин, ты с рынка? Чего это у тебя?

– Адамово дерево, – с гордостью ответила Марина и объяснила Доре и Павлику: – На продукты уже не хватило. Это такая редкость! Мне так повезло. Давайте посадим его у крыльца, на утреннем солнце.

– А она чего делает, эта птица феникс? – спрашивал Павлик. – Счастье приносит? А откуда?

Голос нашей истории

В кабинете истории стояла добротная кафедра. Когда Макакус на нее влезал, начиналась комедия. Он был маленького роста, и над кафедрой торчала одна голова да еще рука, машущая указкой, – прямо кукольный театр. Макакус знал, что служит посмешищем, а все остальные – что он не будет ни ставить двойки, ни писать в дневники замечания. Он даже выгонять за дверь не умел. Поколения учеников не раскрывали учебник истории.

И сегодня в классе царило веселье. Одни рассказывали анекдоты, другие развлекались с мобильниками. Стайка девчонок, слетевшись к журналу мод, обсуждала фасоны. Приличнее всех вели себя Рудик, который списывал домашку по физике, и Артур, читавший какой-то ученый труд.

Рафаэль настраивал радиоприемник, поймал хорошую музыку и протянул один наушник Марине. Та покосилась на Макакуса, что-то бубнящего в углу, и настроение пропало. А Жанна выдернула наушники и прибавила громкость. Макакуса стало совсем не слышно.

В это время Рудик достал коробку и жестом фокусника выпустил на стол рогатого жука. Девчонки завизжали, ребята засмеялись, жук пополз. Визг, вопли, паника, упал стул, кто-то метнулся со своего места...

– А голос нашей истории опять несется через все эпохи и века, – проговорила Рахиль на другом этаже. Директор кивнул. – Надо что-то предпринимать.

Комплекс неполноценности

Они впятером медленно шли из школы.

Почему мы так безжалостны к Макакусу, думала Марина. Почему у всех одновременно пробуждается животная жестокость? Ведь издеваются не над ним самим – его даже не замечают, – а над его беспомощностью. Все ненавидят Рахиль, но признают только ее – палку, кнут. Значит, мы – стадо. И что тут можно изменить, если даже Жанка ничего не хочет слушать?

Жанна – прямая, честная, но она презирает слабость. Вот она идет рядом: подбородок вздернут, во взгляде – ум, независимость, насмешка, и больше ничего нельзя прочесть. Глаза ее не выдают.

– Ну, хватит мировую скорбь изображать, – заявляет она. – Жалельщица выискалась.

– В жизни должны быть и Рахили, и Макакусы, – примирительно добавил Артур, – для равновесия.

Марина отметила, что вслух ничего не сказала, а ответы получила. И что, оказывается, можно мысли уметь читать, а друг друга не понимать.

– Да не должно быть так.

– И охота тебе забивать голову!

– Но мы же взрослые люди. А ведем себя как детский сад.

– А ты не видишь, что взрослые живут, зажмурив глаза и заткнув уши? Обо всех не наплачешься.

«Может, правда? – расстроилась Марина. – Почему мне непременно надо за всех переживать? То Дору было жалко, теперь Макакуса. Живут же люди без этого, свободные от всяких лишних мыслей... Откуда я это знаю? Знаю. Вот Рафаэль – он только собой занят, Артур – книжками. Почему я так не могу? Наверно, комплекс неполноценности. Или без комплекса это получусь уже не я, а Жанна?»

С Жанной они смеются надо всеми, с Рафаэлем – слушают музыку и обсуждают стихи, с Артуром – копаются в книжках и размышлениях, от которых первые двое шарахаются, а с Рудиком – плавают, кто дальше, и залезают на деревья, кто выше. Когда же она бывает собой? И бывает ли? Это что же – она всего лишь зеркало своих друзей? Которое само по себе – прозрачное пустое место?

– Оставьте общественные проблемы и слушайте меня, – потребовал Рафаэль, успевший за это время сочинить очередные стихи.

Она шла в середине

Над Белогорском опять висела туча. Солнце застряло в ее раскрытой пасти, и единственный луч упал на крышу странного дома с флюгером в виде парусного корабля.

Он стоял возле огромного дерева, росшего посреди тротуара, и смотрел, как туча ползет, а парусник поворачивается вслед за лучом. Может, ветер дул в ту сторону, но кораблик неизменно указывал туда, где было солнце.

Наблюдатель явно откуда-то пришел. Никто из местных не стал бы обращать внимание на примелькавшийся флюгер. К тому же, заслышав чьи-то шаги, он одним прыжком оказался на дереве. Но это было сделано чисто символично: он стоял на нижней ветке, небрежно облокотившись о ствол, совсем не прятался и продолжал разглядывать занимающий его предмет.

Туча выплюнула солнце, свет залил всю улицу. По тротуару медленно шагали пятеро, его ровесники. Она шла в середине, и каждая черточка ее лица мгновенно отзывалась на каждое их слово. Наблюдатель всмотрелся в эту компанию. Одного узнал: он видел этого парня в магазинчике, куда относил две старые книжки, а потом почти случайно дал ему по шее на пустыре.

Компания поравнялась с деревом и, хотя незнакомец уже не только не прятался, а весь подался вперед, прошла мимо, ничего не заметив.

Сумасшедшая Ева

Марина вошла в гостиную и остановилась. На нее смотрело вытянутое личико Павлика, физиономия дога тоже была недоуменной. На диване неподвижно сидела миниатюрная дама с бледным лицом и отсутствующим взглядом – она уже была у них недавно, на дне рождения. Рядом с ней – девчонка лет четырнадцати, рыженькая, с острой лисьей мордочкой. Папа заговорил:

– Это Ева и ее дочь Клара, познакомьтесь.

Странно: если в доме гости, почему он такой серьезный? Не лучезарится, как обычно. И гости сидят аршин проглотив, даже не поздоровались. А Пал Палыч добавил:

– Они у нас пока поживут. Одолжи, пожалуйста, Кларе какое-нибудь свое платье, а я попрошу Рахиль Исаковну, чтобы ее взяли в ваш класс. Мы с тобой потом еще поговорим, а пока устрой им комнату наверху. Пусть Дора поможет.

Но Доры нигде не было.

...Новость облетела всю Зеленую улицу. Соседи были потрясены. Петровна и Глебовна оповещали всех: Медведев из Странного Дома наконец женился. И на ком! На сумасшедшей Еве!

Об этой женщине ходили по Белогорску разные толки. Чокнутая она, утверждала Петровна. Да просто водит к себе чужих мужей – вот и все ее сумасшествие, возражала Глебовна. Нет, стоит только на нее взглянуть, и каждый скажет, что она ненормальная, спорила Петровна. Говорят, муж ее был моряком и утонул, с тех пор она и свихнулась. И не муж, опровергала Глебовна, а приятель, и не утонул, а сбежал, и правильно сделал.

Твоя сестра

Рафаэль тихо наигрывал что-то на пианино. Артур листал свежий номер «Вокруг света». Жанна включила магнитофон и заглушила Рафаэля Земфирой. Друзья любили Странный Дом. У Рафаэля тоже было просторно, но стоило к нему прийти, как сразу лезла мама, у Артура просто не было своей комнаты. А здесь никто никогда не мешал. Павлика перехватывала Дора.

– Это же просто дохлая овца, – пожимала плечами Жанна. – Он что, правда женился?

– Ни на ком он не женился, – рассердилась Марина. – Я замучилась всем объяснять. Они с друзьями встретили ее в плачевном состоянии, когда шли к нам на день рождения. Дяде Алику еще изюм в кулек из старинной книги насыпали. Ну и решили, что нельзя ее так оставлять, пусть пока у нас поживет, места много. Они же одноклассники, как мы с вами. Представь, ты бедствуешь – а остальные что, не помогут?

– Я не сумасшедшая, – дернула плечом Жанна.

– Кто сумасшедший? – Артур поднял голову от журнала.

– Опять все проворонил, – расхохоталась Жанна. – Кто, кто. Папа сказал, у нее депрессия. Ну и дали бы ей денег, что ли, а в дом чего тащить? Не понимаю я...

– Я сама, если честно, не все понимаю. Она какая-то... несчастная. Сидит, молчит, тоску нагоняет. Не ходит никуда. И Дора от нас ушла, сплетням поверила.

– Какие сплетни? Вот ты в школе не была, а Клара эта самая в наш класс заявила. Сказала, что она твоя сестра. Как это понимать?

– Глупости.

– А к Рахили приклеилась, никто и моргнуть не успел – тоже глупости? Из кожи вон вылезет, лишь бы быть на лучшем счету, за пятерку удавится. А цветы чего не в вазе? – Жанна собрала в букет рассыпанные по подоконнику белые первоцветы.

– Погоди-ка.

Марина быстро распахнула дверь – кто-то проворно отскочил в сторону.

– Подслушиваешь?!

Клара без стеснения подошла и, рисуясь, остановилась на пороге: высокая, в красивом синем Маринином платье, распущенные рыжие волосы ниже пояса. В уголке пухлых губ – усмешка.

– А, вот кто ведет тут крамольные речи. Буду знать.

Артур, Рафаэль и Марина, возмущенные до предела, хотели что-то сказать. Но Жанна их опередила, без всяких слов захлопнув дверь и чуть не ударив Клару по лицу.

Как в кино

Клара расположилась в Странном Доме, как в своем собственном. После съемной комнаты, где они ютились с матерью, ей все здесь казалось красивым и роскошным, главное – роскошным. О, она всегда знала, что ей место не в конуре возле базара, а в таком доме, которому соответствовало и новое платье.

Даже собственное имя казалось теперь недостойным новой жизни. Его тоже надо было сменить. Ну что интересного может произойти с девушкой со старомодным именем Клара? Придумала! Она будет Кларисса, как в фильме! Взяла фломастер и вывела на странице журнала, на полях: Кларисса, Кларисса. Главное – самой привыкнуть, а уж остальных она приучит. Есть же у них в классе двойняшки Инесса и Ванесса. Потом уверенно и размашисто написала новое имя на обоях – и загородила надпись журнальным столиком. Почему бы и не переставить мебель, как ей нравится?

«У нас неплохие обои». «А где у нас уют?» «Почему наша собака ходит без намордника?» Ее хозяйский тон и местоимения «наша», «наше», повторяемые с видимым наслаждением, коробили Марину и резали слух. Как можно так вести себя в незнакомом доме, едва перешагнув его порог?

А Клариссе стало мало дворца: хотелось, чтобы и люди, населяющие ее владения, признали ее. Но присутствие Марины неприятно напоминало, кто тут настоящая хозяйка. Все в ней раздражало Клариссу. Почему, завидев ее, все улыбаются, даже противные старухи напротив? Почему за ней вечно тянется хвост поклонников, но незаметно, чтобы она флиртowała с кем-то из них? Почему к ней любят приходиться гости и всегда бывает так весело?

Конечно, это счастливая жизнь наложила на нее отпечаток привлекательности. Она не знала унижений, ей не показывали вслед пальцем и не говорили «дочь сумасшедшей Евы».

Начать другую жизнь! Сравняться с этими беззаботными, умными и сытыми! Стать среди них своей, обойти их всех и сделаться счастливой! Мираж счастья развернулся дразнящим веером, манил к себе и казался таким близким.

Подружиться захотела?

Веер глянцевых журналов лежал на столике.

– Чего не здороваешься? – Кларисса, развалившись в кресле, глядела поверх страниц.

Марина увидела на полу свой магнитофон. Земфира распевала: «До свиданья, мой любимый город!»

– Здравствуй, – бросила Марина на ходу.

– Подожди! Ты что, не хочешь разговаривать? – Кларисса отложила журнал. – Только потому, что твой отец пригласил нас погостить, а я понравилась вашей классной, ты... – Она говорила быстро и с обидой, хотя ей хотелось, чтобы в голосе звучало высокомерие.

Взгляд Марины смягчился, она присела на ручку соседнего кресла, но заговорила против воли не доброжелательно, а насмешливо:

– Подружиться захотела? Так никто из моих друзей не путается под ногами у Рахили и не виляет перед ней хвостом.

– Вот ты всегда так о ней, – заметила Кларисса. – А от этой карги зависят наши аттестаты. А что касается твоих друзей... Не думай, ради бога, что я вам навязываюсь. Мне плевать на книжки и стихи. К тому же черненькая Жанка так меня ненавидит. А те двое ребят – они ведь влюблены в тебя оба? И ты обоим пудришь мозги? И балбесу Фольцу заодно? А кто кладет тебе белые цветы на подоконник?

– Ну, хватит. – Марина резко встала. – Отлично мы поладили. Много общего нашли. Давай жить, не мешая друг другу.

– Не выйдет, – зевнула Кларисса.

Выгодный товар

Жанна, заложив руки за спину, вышагивала по школьному крыльцу. Артур и Рудик сидели на ступеньках. Рафаэль бегал вверх-вниз.

– За что ее вызвали? И почему так долго?

Никто ему не отвечал.

– Если Рахиль опять снизит ей отметку за поведение, то пусть и мне снижает, – угрюмо проговорила Жанна. – Если опять начнутся угрозы выгнать из школы – пусть выгоняет и меня.

– Да какое она имеет право выгонять? – удивился Артур.

– Было бы желание, – буркнула Жанна.

Дверь отворилась, и все одновременно повернулись в ту сторону. Но это была не Марина.

– Я этой Рахили окна перебыю, – пообещал Рудик.

– Ну и тебя выгонят – за хулиганство.

Дверь отворилась еще раз. Марина, очень бледная, стояла на крыльце.

– Рахиль говорит, что все знает... Что у меня дома собираются хулиганы... подонки... И мы ведем антиобщественные разговоры. Ругаем школу, учителей. Над ней смеемся, ее ругаем. Что у нас музыка до полуночи, мы запираемся от взрослых, видимо, курим и пьем. И можно догадаться, чем мы еще занимаемся. Тебя, Артур, надо спасать. Мы плохо на тебя влияем, мешаем учиться. А ты, Рафаэль, должен прекратить писать на уроках бесполезные стихи. Ваших родителей вызовут. А мне она сказала, что я вскружила вам всем голову... что я...

Жанна скрипнула зубами.

– Не вздумай еще реветь! Пойду скажу ей, кто она такая.

Слезы мигом исчезли из глаз Марины.

– Постой, тебя и так хотят вызвать на педсовет.

– А о стихах-то она откуда знает? – недоумевал Рафаэль. – Я ж только вам показывал. Даже мама еще не пронюхала.

– У нее целая коллекция и твоих стихов, и наших записок! И разговоры наши она знает до мелочей. Не могла же она шпионить под окнами!

– Конечно нет. – Пронзительный взгляд Жанны устремился в лицо Марины. – Шпионила твоя «сестрица».

– Кларисса?

– Больше никому. Только она бывала дома, когда мы собирались. Только она могла видеть, кто приходил. Вспомни, как она торчала под дверью.

– Из любопытства торчала. Зачем ей доносить?

– Ну как же, – рассмеялась Жанна. – Она видит, что Рахиль тебя терпеть не может, а ты у нее всегда на глазах. Самый выгодный товар. Не захочешь, а продашь.

Марина все еще качала головой.

– Чего уж проще! Слушай и запоминай, гляди и рассказывай.

– Пойдем по морде дадим, – предложил Рудик.

– Да, надо, – согласилась Жанна.

– Ну уж нет. – Марина вскинула голову. – Сама разберусь.

Птица феникс пока не работает

Влетев в дом, Марина начала говорить, но от быстрого бега голос прерывался.

– Переведи дух, попей водички, – предложила Кларисса. Она сидела, как всегда, развалившись в кресле и вытянув ноги на журнальный столик, но, приглядевшись к Марине, вско-
чила. – О! Э! Ты драться, что ли, собираешься!

– Ах ты, тварь! Живешь в моем доме и доносишь на меня! – Марина гневно наступала, Кларисса отодвигалась к стене. – Да еще врешь! Я тебе покажу, как врать на моих друзей!

Кларисса ловко вывернулась и побежала.

– Куда? Испугалась?

Тут Марина наткнулась на хнычущего Павлика.

– А с тобой что случилось?

Притихший было братик заплакал еще громче.

– Мы с Рольдом тут играли... а она... она сказала, чтоб мы убирались. Мы не убрались... тогда она начала нас выпихивать...

Марина опустилась на диван. Кто бы мог подумать, что собственный дом может заполниться вражьей силой и стать местом побоища. Но не пугать же ребенка еще больше.

– Наплевать на нее, – сказала она, успокаивая брата. – Бери Рольда, пойдем гулять.

Спускаясь с крыльца, Павлик взглянул на хилый саженец адамова дерева.

– Ты не замечаешь, – спросил он озабоченно, – что эта птица феникс вместо счастья приносит одни неприятности? Если она вообще сюда прилетает.

– Да нет, она еще не прилетала, потому что оно еще не цвело.

– А может, тебе подсунули не то дерево? – не унимался Павлик.

– То самое, – уверила его Марина. – Скоро оно зацветет, вот увидишь.

– Да ты еще в сказочки веришь! – Кларисса хихикала в окне.

Почему он в тебя не влюбился?

Они бродили по бесконечному белогорскому парку. Когда в здешний НИИ приезжали научные делегации из разных стран, в честь гостей сажали что-нибудь из флоры их родины, и теперь на аллеях росли американские, японские и прочие диковины. Основателем парка был знаменитый биолог Берестов, а теперь этим занимается его дочь... Точно! Берестовский питомник. Вот где надо спросить, что делать с этим чахлым адамовым деревом.

Павлик и Рольд убежали вперед, Марина поспешила следом и нашла их у живой стены каменного дуба. Его древесина вдвое тяжелее воды: если отломить веточку и пустить в лужу, она не поплывет, а потонет – они так в детстве экспериментировали.

Павлик сидел на траве с каким-то незнакомцем и слушал его, раскрыв рот. Красавец дог лежал рядом, и рот его тоже был раскрыт, а язык высунут. Марина тихо подошла. Незнакомец был примерно ее лет, и физиономия малыша выражала удовольствие: взрослый парень разговаривает с ним на равных.

Речь шла о путешествиях, о курганах на юге России, каких-то пещерах, водопадах. Стало ясно, что курорты, куда они обычно ездят, – до невозможности банальный вариант с тупым лежанием на пляже. И что, кроме пляжа, Марина ничего и не видела.

Ей начинал нравиться голос незнакомца. Она мысленно сказала: «Да повернись же! Мне надоело разглядывать тебя со спины». Действительно, сколько можно стоять в стороне и прислушиваться. Но как подойти? Это оказалось неожиданно сложным. И вот она сделала несколько шагов. Но Павлик не заметил сестру. Рольд даже не пошевелился! Незнакомец едва повернулся – на Марину взглянули ярко-синие глаза из-под шапки черных волос, – и ни лицо его, ни голос не изменились.

Марину словно окатило ледяной волной. Она скомандовала:

– Павлик, пойдем.

Пусть сам себе рассказывает свои истории. Но незнакомец оборвал себя на полуслове и ушел первым. Братик издал огорченный вопль:

– Ты все испортила! – А потом задумался, поднял серьезные глаза и спросил: – А почему он в тебя не влюбился?

Мы тебя любим

Подскакивая и сверкая на солнце, по лестнице катился перстень. На голубом прозрачном камне была вырезана летящая цапля. Внизу плескалось море, пустынное и дикое. Перстень подскочил еще раз... и голубая цапля взвилась в небо. Волна плеснула на ступеньку... Возвратившаяся птица кружилась над морем. Долго повторялся печальный плеск.

Вот это сон, подумала Марина, приходя в себя. Надо сбегать к Доре, она умеет разгадывать сны.

Дора не появлялась всю неделю. Отец отмахивался:

– Наверно, занята в больнице. Опять, поди, в две смены нагрузили.

Марина пыталась растолковать, что дело в Еве, что Дора из-за нее не приходит и, может, никогда больше не придет, но папа начал раздражаться.

– Я уже все сказал! Они останутся здесь, пока у Евы все не устроится.

Марина решительно отправилась к Доре.

– Как родители? – прокудахтали Петровна и Глебовна. – Как сестрица?

– Какая она мне сестрица, – дрогнувшим от возмущения голосом ответила Марина, постучалась и громко позвала: – Дора, ты не на работе? Пойдем к нам, я хотела тебе сон рассказать. – И еще громче, на всю улицу: – Пойдем-пойдем! Ты нам очень нужна! Ты не домработница, мы тебя любим! Это все знают! Отец собирался сам зайти, просто не успел. С гостями столько мороки.

– Долго прогостят-то они? – выглянула Дора.

– Отца не поймешь, – сказала Марина, понижая голос. – Будто бы пока у Евы все не устроится, а что это значит – я не поняла. На работу, что ли, она должна устроиться? Так она ее не ищет, сидит целыми днями и ничего не делает, больная какая-то. Папа говорит: устала от жизни... Я ее даже сначала боялась. А потом ничего, перестала, она же тихо сидит. А вот Кларисса эта, идиотка! Я папе рассказываю, как она хозяйку из себя корчит, как в школе врет, что она моя сестра, а он смеется: детский сад – штаны на лямках.

– Пал Палыч всегда веселый, – с простодушной улыбкой проговорила Дора, представлявшая себе всю эту сцену в лицах – таких родных и таких любимых.

Пора перебираться

Жанна выглядывала в окно.

– И где наш стихоплет? Чего он собирался сообщить?

– Что его стихи печатают в «Белогорских вестях», – ответил Рафаэль. Он был настроен воинственно, по лестнице взбежал вприпрыжку и остановился посередине Мариной комнаты. – Так ведь нет – не печатают.

Жанна фыркнула. Рафаэль притопнул.

– Да я ходил к ним только ради смеха!

– Потому же тебя и впустили туда, – ввернула Жанна.

– Они печатают такую ерунду, что я решил – пусть поглядят на настоящие стихи!

– Святая простота. – Артур давился от хохота.

Жанна уселась на подоконник. Опять тут эти первоцветы! Фиолетовые подснежники растут повсюду, а эти, белые, шелковистые – только на том берегу озера. Кто это делает такие концы ради цветочков? Жанна взглянула на Рафаэля – один уголок ее рта сохранял спокойствие, но другой пополз в неудержимую улыбку. Артур? Книжный червяк. Рудик? Такой пойдет за тридевять земель. Но ведь до этого еще додуматься надо...

А Рафаэль уже развалился в любимом кресле и машинально разглядывал картину на стене: дорога никуда и ниоткуда, туманный горизонт, одинокий домик. Как раз для такой тонкой натуры, как Марина. Девушка, живущая в этой картине, непременно должна быть грустной, незаметной и уметь разговаривать с листиками и птичками...

Он перевел взгляд на настоящую Марину – она никак не вписывалась в унылое произведение искусства. Рафаэль и раньше знал, что подружка считается одной из самых красивых девчонок в классе, но знал как-то беспечно и привычно – а тут вдруг начал рассматривать ее внимательно, как картину. Да уж, незаметной ее не назовешь. И прохожие всегда на нее пялятся. Один дурак недавно чуть с дерева не свалился, так тарашился...

Тут он вернулся к картине и к первоначальной мысли. Подключив всю фантазию, представил Марину незаметной и невзрачной – и ему вдруг стало скучно, он даже удивился: почему? Задумался ненадолго и честно признался себе: если бы она действительно была такой, он вряд ли обратил бы на нее внимание. Эта откровенность унизила возвышенную душу Рафаэля. Тут раздался голос Жанны:

– Сознавайтесь, откуда это взялось!

Она махала белыми цветами, но Рафаэль занялся пирогами, которые напекла Дора. Артур углубился в книжку, а Рудик обрадовался.

– Это из-за озера! Марин, мы туда в поход сто лет уже собираемся.

– Давай на первомайские выходные.

«Прикидываются? Не похоже», – проследила Жанна, но тут ее насторожил шорох.

– Опять подслушивает, что ли?

Распахнула дверь – мелькнул краешек синего платья.

– Пора куда-нибудь перебираться.

Лучше вернись!

Друзья гуляли по центру. Город готовился к первомайским праздникам. На тротуарах уже стояли летние лотки с фруктами и воздушными шарами – казалось, что здесь можно закупить самого лучшего счастья по самой дешевой цене.

– Никаких шпионов, – радовалась Жанна. И осеклась.

Остальные тоже приостановились и переглянулись. Впереди шагала знакомая, прямая, как стержень, фигура в темном платье. Маленькая вертлявая собачка бежала, позванивая мелкой цепочкой. По улице шла Рахиль. Странно, что они первый раз в жизни видят ее на улице. Да неужели это перед ней все так трепещут в классе? Это же просто смешная старуха.

Наслаждаясь зрелищем, друзья шагали след в след, изображая ее походку и корча рожи. Рахиль шествовала, ничего не замечая, и это прибавляло веселья. Рафаэль, упиваясь безнаказанностью, схватил камешек...

Визг, крик, вытянувшиеся лица. Рахиль испуганно и нежно целует собачонку. Солнечная улица мгновенно превращается в душный тесный класс. Нет смешной старухи – есть страшная, всеильная Рахиль. Мучительно тянутся секунды, все парализованы... и наконец бросаются наутек.

– Стой! Стой! – несутся вопли. – Медведева, я тебя узнала! Лучше вернись! Вернись, дрянная девчонка!

Девушки всегда чего-нибудь хотят

Погони не было. Друзья убавили шаг и отдышались. Все предполагали, что их теперь ждет, но никто не хотел об этом думать.

А город по-прежнему переливался радостью. Кафе «Забавушка» уже выставило свои столики на улицу, первые посетители смеялись, ели мороженое и тянули через соломинки фанту. Весь воздух был наполнен запахом апельсина. Артур с Рафаэлем порылись в карманах, покосились на подружек и пошагали дальше. И лодочная станция на озере ожила – можно уже кататься.

– Что желаете, молодые люди? – осведомился старый лодочник в белой фуражке.

Марина и Жанна убежали вперед по причалу. Артур с Рафаэлем облокотились о перила и, нахмурившись, глядели вдаль. Лодочник прищурился – скорее всего, от солнца, но Рафаэлю его взгляд показался презрительным.

– А ведь девушки хотят покататься, – сказал Лодочник. Капитан Очевидность. И голос какой отвратительный! – Девушки всегда чего-нибудь хотят.

– У нас не такие девушки, – строго ответил Рафаэль.

– Ну, что с вами делать, – не унимался Лодочник. – Берите вон ту «скорлупку».

Солнце кувыркнулось через голову, музыка заиграла еще веселее, а замечательнее музыки был голос старика.

– Только катайтесь того... по очереди.

– Спасибо!

В ту же минуту мимо весело пронеслись двое мальчишек и с разбега прыгнули в самую лучшую лодку, по-свойски кивнув Лодочнику. Тот ответил невозмутимым кивком. Рафаэля нечаянно толкнули, он, уязвленный, вскинулся, но Артур потянул его за локоть – отвязывать «скорлупку». Марина и Жанна поспешили к ним. Вдруг с другой стороны причала показалась кудрявая голова.

– Как вы там поместитесь вчетвером? – Вопрос звучал очень вежливо и доброжелательно. Рафаэль свирепо покосился, а Жанна спокойно ответила:

– Мы будем кататься по очереди.

Кудрявый красавец не унимался:

– Так скучно будет ждать. Давайте мы вас прокатим.

Жанна перехватила взгляд, полный вежливого презрения, брошенный на их жалкую «скорлупку». Друг в лодке, видимо, дернул красавца за рукав, но он от него отмахнулся и проговорил с предельной вежливостью:

– А у нас как раз два свободных места.

Марина потянула Жанну к «скорлупке», но та вывернулась.

– Ты чего? – удивилась Марина.

– Не торчать же здесь, в самом деле, – прошипела подруга.

Малиновая Жанна вызывающе глянула на кудрявого красавца и неожиданно прыгнула в его лодку, увлекая за собой и Марину. Артур с Рафаэлем, еще ничего не поняв, смотрели вслед, а рядом раздалось громкое хихиканье. Они оглянулись и увидели Клариссу.

– Оплошали, орлы. Оплошали!

А что подумают ребята?

– Жанка! – воскликнула Марина, глядя, как увеличивается расстояние между причалом и лодкой. – Надо сейчас же вернуться!

– Теперь это было бы только хуже.

– А что подумают ребята?!

– О тебе – ничего. А обо мне пусть думают, что хотят. Я от этого хуже не стану.

– Вот это по-моему, – захохотал кудрявый красавец. – Вас как зовут? Это мой друг, Николай, по-человечески – Ник. – Тут он замолчал, потому что перевел взгляд на Марину. – А я Максим. Макс, – наконец закончил он.

Марина машинально назвала свое имя. Где-то она уже видела это улыбочивое светлое лицо. Она всматривалась в нового знакомого, стараясь что-то припомнить. Он тоже глядел на нее не отрываясь. Обиженная Жанна отвернулась.

– Остановись, – сказала Марина приятелю Максима, сидящему на веслах.

Тот сразу перестал грести.

Уж его-то она узнала сразу. Парк, стена вечнозеленого дуба, Павлик, разинувший рот. А теперь оказалось, что у незнакомца есть имя и с ним можно разговаривать, как с каким-нибудь Рафаэлем. И сам он заговорил как ни в чем не бывало, а в голосе звучало удивление, подобное ее собственному.

– Ты, может, замерзла? Это на берегу припекает, а на воде холодно. Никто еще и не катается.

– У меня есть куртка, – ввернул Максим, но его не услышали.

– Совсем не холодно, – отвечала Марина. – А говорят, уже купаться можно, мой друг Рудик пробовал.

– И я пробовал, не смертельно.

– А где пляжи лучше, на каком море?

Марина внимательно на него смотрела, но Ник, не моргнув, начал излагать преимущества песчаных и галечных пляжей и оценивать степень ядовитости многослойных и простых медуз.

Макс и Жанна недоуменно переглянулись, но их продолжали не замечать.

– А раскопки интересные не только в южных курганах, – сообщила Марина. – Папин друг – археолог, ведет работы в московском метро, звал посмотреть. Мы, может, поедem на праздники.

– На все праздники? Жаль. Ну, то есть это здорово.

– Я еще не решила.

Каждая фраза, каждый вопрос и ответ были словно шаги на ощупь, когда в любой момент можно с размаху провалиться, сказав что-то не то. И шаг за шагом оба удивлялись – все было то! Когда уж тут заниматься друзьями. Жанна покусывала губы. Максим, не глядя на нее, дергал молнию своей ненужной куртки.

– К утру погода испортится, надо сегодня гулять, пока солнце.

– Откуда ты знаешь? Приметы какие-нибудь?

– Да вон по радио прогноз – слышишь, у Лодочника. Нас к дикому пляжу несет. Отгрести назад?

– Нет. Пускай. Какое у тебя чудноLe имя.

– Это Макс придумал.

– Я все отлично придумываю, – снова вклинился Макс, – а еще я придумал, что мы сейчас пойдem в какое-нибудь кафе, погреемся. Давай к причалу, Ник.

Но Жанна начала уже потихоньку злиться.

– А вы откуда? Из центра? Никуда мы не пойдem. Гребите к берегу.

Назад? Марина с удивлением заметила, что вовсе не чувствует угрызений совести и совсем забыла об оставленных на причале друзьях. И даже когда вспомнила, ей только захотелось кататься еще, как можно дольше.

– И почему, в самом деле, надо возвращаться? – сердито шепнула она Жанне.

– Потому что они чужаки, – отвечала подруга, и голос ее был ледяным.

– Ерунда.

– А что подумают ребята? – последовал язвительный вопрос.

– Пусть думают, что хотят.

– Быстрее, – приказала Жанна.

Марина гневно глядела на нее.

– Вы так боитесь своих? – спросил Ник.

Макс добавил:

– Мы их сколько раз били.

– Ну и они вас били, – в один голос ответили Марина и Жанна.

Артура и Рафаэля на причале не было.

– Я спрошу Лодочника, куда они подевались. – Жанна побежала к деревянному домику кассы.

И тут невдалеке показалась длинная темная фигура, похожая на предостерегающий перст. Марина вздрогнула.

– Мне надо исчезнуть.

Ник показал на незаметную лесенку, отвесно уходящую с причала вниз.

Вернувшаяся Жанна никого не увидела. Постояла, передернула плечами, пробормотала что-то – и ушла. Максим вылез из лодки и растерянно озирался.

– Ну вот. За секунду пропали.

– Кого ищешь? – приблизилась к нему Кларисса. – Может, меня?

Он поперхнулся, уставился на нее, впитывая ленивый лисий взгляд. Потом прищелкнул пальцами и кивнул на близлежащее кафе:

– Вперед.

Вы поссорились, да?

Утром погода и правда испортилась. Марина почувствовала облегчение – идти за озеро совсем не хотелось. Но на всякий случай позвонила и услышала, что Рудик давно ушел. Как? Без нее? Может, она не слышала звонка?

Появилось неприятное предчувствие. Марина, не позавтракав, поспешила к дому Жанны.

– Уехала, – доложил доктор Лончинский, кутивший на крыльце.

– Куда? – опешила Марина.

– К бабушке.

Жанна уехала? Молча, не попрощавшись? Потрясенная Марина продолжала стоять. Неужели это из-за Ника? Или она всерьез делит людей на своих и чужих?

Следующим был дом Рафаэля. Из окошка выглянула его мама, тетя Нателла.

– Мариночка? А Рафаэля нет, – сообщила она немного ненатуральным голосом.

– А на пианино кто играет? – неожиданно для себя спросила Марина, вместо того чтобы гордо удалиться.

– Это? Это наш папа.

Знаменитый музыкант Мдивани барабанит гаммы и все время тычет не туда, отметила Марина. Вслед ей звучал голосок:

– Вы поссорились, да?

Теперь оставалось только дойти до рынка, но Марина услышала разговор Петровны и Глебовны:

– У Грачевых закрыто, за товаром подались.

Это означало, что Артура тоже нет в городе. И что он тоже уехал не предупредив. Она представила еще одну запертую дверь и пошла домой, не глядя по сторонам.

Ветка разлапистого дерева, росшего посреди тротуара, закачалась над головой. Марина остановилась. Синие глаза глядели на нее из листвы.

– А я подумал, если ты не уехала, может, пойдём на озеро? – И поспешно и решительно добавил: – Или еще куда-нибудь погулять. – И еще решительнее: – Можно вечером на дискотеку, но я не умею танцевать. Макс учил, ничего не вышло, лучше и не пробовать.

– Не бойся, я не заставлю. – Только что полная обиды и отчаяния, Марина улыбнулась: сосредоточенный вид Ника не мог не забавлять. – Если спрыгнешь с дерева, обещаю никогда в жизни с тобой не танцевать. Мне как раз на озеро и хотелось.

Вечером отец спросил:

– Ну что, поедём к Алику?

Взять – и тоже уехать! Но Ник обещал разузнать, что делать с адамовым деревом. И показать место, где хорошо кататься на роликах. Марина покачала головой.

– В другой раз.

– А ты ничего не хочешь ему передать?

– Только саму книгу. Но Грачевы не помнят, кто ее приносил.

– Не везет Алику. И у меня для него нет хороших новостей.

Марина пропустила это мимо ушей, она смотрела на свой подоконник. Белые цветы не появлялись ни вчера, ни сегодня. Значит, это все-таки были свои мальчишки. А жаль. Тут она запуталась – чего жаль? Что цветов больше нет или что их приносили старые друзья, а не... Конечно, цветов! Они такие необычные. Марина и мысли, и сожаления изо всех сил старалась вогнать в рамки приличия. Нельзя же, в самом деле, предполагать, что... И фантазировать надо в пределах правдоподобного. Это не мог быть Ник, они только вчера познакомились.

Майку сменил!

– У нас есть адамово дерево? – спросил Ник.

– Да, на нижней аллее. Я попробовала посадить, посмотрим, что получится, – ответила мать. – Ба, ты, что ли, майку сменил?

– Не важно.

Любимую майку и джинсы Ник носил обычно весь сезон, отдавая только в стирку, и ни за что не соглашался надеть что-то другое.

– Может, и в парикмахерскую сходишь? – вдохновилась мать.

– Ну уж нет. Еще чего. Я про адамово дерево. Чего с ним делать-то? Мне надо узнать для одного человека. Я на бумажку запишу.

– А этот человек – девочка? – полюбопытствовала мать. – У меня на это растение только одна покупательница и была.

– Не важно, – нахмурился Ник.

– А кстати, Николай, где ты вчера пропадал?

– Гулял с Максом.

– А он заходил за тобой с симпатичной подружкой, я не знала, что сказать.

– Ничего. Нужен будет – сам найду.

Она своих дружков ни на кого не променяет

Надо сказать, что в их дружбе получалось как раз наоборот – это Макс находил Ника, когда ему было нужно. Хотя была ли это дружба, тоже вопрос. Они не проводили вместе целые дни, как Марина со своей компанией, не учили вдвоем уроки, не ходили вместе в школу и обратно. Время от времени Макс возникал с деловым предложением, и они начинали его воплощать, а потом так же непроизвольно расставались до нового замысла.

Идеи взросли вместе с их генератором, но цель не менялась: каждый раз Макс надеялся разбогатеть. Сначала вполне традиционным способом – выкопав клад. И шаги отсчитывались, и лопаты натыкались на что-то твердое, и сердце замирало, и даже сильно стертая монетка выкатывалась Нику под ноги. Три копейки 1967 года. А совсем рядом с Белогорском в это же время археологи раскапывали древнюю стоянку со множеством украшений и древней посуды, и местный музей пополнялся новыми экспонатами. Так что идея Макса была вполне здравой, просто копнули не там.

Потом удача стала больше улыбаться: Максим договорился с торговцами на базаре помогать им таскать арбузы, и мальчишки каждый вечер получали арбуз за труды. И елся он, заработанный, по-особенному.

Про пункт приема цветных металлов Макс тоже узнал первым. Правда, за мотками медной проволоки должен был лезть Ник, как более ловкий. Причем это оказалась не свалка, а чье-то частное владение, чуть ли не какой-то фирмы, но Ник вовремя унес ноги, а Макс сказал: «Ну и ладно, еще что-нибудь присмотрим».

Присмотрел он бензоколонку, где можно было мыть машины всем желающим. Но бизнес пресекли другие пацаны, заявившие, что это их место.

– В некоторых семьях есть нечего. Мальчишки, может, на еду себе зарабатывают, – сказала мама, слушая возмущения Ника. – А вы на что?

Он, честно говоря, озадачился. Макс не мог прожить без мороженого, жвачки, без новых кассет, лазерного фонарика, хороших роликов и многого другого. И трещал без умолку, чего себе накупит, когда они приступали к очередному проекту. Нику же нравились привкус риска и холодок неизвестности, сопровождавшие их вылазки, больше, чем будущая прибыль.

А это можно было, в общем, и иначе ощутить. Дать себе задание доплыть дотуда, откуда берег кажется почти неразличимым, – и доплыть. Забраться на крышу девятиэтажки и, бросая кленовые крылышки, падать взглядом вслед за ними – а ласточки схватывают их на лету, принимая за насекомых. Не говоря уже о поездках с матерью, которые он любил, – Подмосковье, Золотое кольцо, Кавказ. Ничто не заменит ветер странствий, будь он солнечным и сухим, влезающим в окно автомобиля или автобуса, или морским, с брызгами.

Так что Ник не горевал в разлуках с Максом, но и от затеянных им приключений не отказывался. Действовало то, что Макс искренне считал его крутым и на самом деле не все из придуманного мог проделать без него.

Сейчас Макс просто должен был появиться – Ник кожей ощущал его приближение, понимая, что тот сгорает от любопытства: куда же подевались тогда он и Марина и что было дальше. И точно: едва Ник пришел домой пообедать, раздался звонок, и Макс улыбался на пороге. Ник неожиданно почувствовал, что ничего ему не хочет рассказывать, и лихорадочно соображал, как отвертеться.

Ведь правда, невозможно объяснить, что Марину он нашел по флюгеру на крыше: золотой парусник указал на солнце, а вместе с солнцем появилась она. Значит, он не случайно забрел тогда на Зеленую улицу. Для Ника это было как дважды два, но кто угодно, и Макс в том числе, сочли бы это за бред сивой кобылы.

Ну, допустим, он все-таки об этом рассказал. Здравомыслящий приятель сразу спросит, почему он не познакомился с девочкой, если она ему понравилась. И что отвечать? С одной стороны, все ясно: она живет на враждебной территории. Для Ника это не имеет значения, но для нее-то он прежде всего – чужак. Прийти, чтобы принести неприятности? Но он к тому же чувствовал, что надо просто подождать, пока флюгер опять не повернется в нужную сторону.

Но просто ждать Ник не мог, и на подоконнике Марины стали появляться белые цветы. У нее должны быть цветы, которых ни у кого нет, которые не купишь ни за какие деньги ни в каком магазине. Может, он опять наслаждался риском. Может, хотел освежить избитый ритуал дарения букетов, раз уж нельзя совсем его избежать или заменить чем-нибудь новым, – девочкам-то нравится. И об этом, что ли, рассказывать? О трехчасовых загородных прогулках и альпинизме на чужих заборах? Да Ник не то что Макс, никому на свете не признался бы. В том числе Марине, если бы она каким-то чудом догадалась и начала спрашивать.

Скоро Ник знал в лицо ее отца, тетюшку, сестру и собаку. Раз даже удалось поговорить с братцем. И тут появилась она – холодная и чужая, поглядела на него, как на вещь, и увела мальчишку. Ник потом долго удивлял друзей колючим настроением. А Макс, узнав об этом, наверняка скажет: ну вот, опять сдрейфил подойти. И будет не так уж и не прав.

Но Ник не ошибся: все совершилось само собой, тогда, на причале. Наполовину сочиненная им, Марина оказалась похожей и совсем другой. Для нее также не имел значения закон «все, кто не наши, – чужие». Весь тот день они провели вместе и за разговорами не заметили, как он прошел.

Но Макс у Ника рассказал об этом в двух словах и самым безразличным тоном. А тот огорошил его сообщением:

– Ну, про твою-то я и сам все знаю. – И пояснил: – Я с ее сестрой познакомился. Кларисса. Там же, в доме с корабликом живет. Классно гуляем! К тебе как ни зайдем – все нет, прямо пропал человек... А это что? – Макс взял с дивана книжку. – Тол-ки-ен. Чего-то больно мудреное. А, кинцо такое было.

Ник забрал у него из рук обернутый в бумагу томик, бережно поставил на полку и принялся объяснять, что Марина дала ему почитать свою любимую книгу.

– Тебе? А она знает, что ты, кроме «Муму», ничего не читал? – поддел его Макс.

– Как ничего? А «Секретные материалы»? – тревожно спросил Ник.

Макс уже торопился поправиться: мол, шутка, у Ника были крепкие кулаки, это узнавали на опыте все любители приколоться. Еще в младших классах ему пытались приклеить кличку «ботаник» из-за дедушки и мамы, работавших в питомнике, но тут же единодушно решили, что Николая Берестова лучше называть Ник. Больше подходит. А тут он совсем не въехал, подивился Макс. Выходит, когда человек втюрится, то становится болваном. Интересно! А та девчонка и правда может зацепить, такая она какая-то. И чего она в «ботанике» нашла? Сразу спелась. А ведь он, Макс, с ней первым тогда познакомился! Кто придумал девчонок покатать?

И Макс решил проверить, действительно ли это у друга слабое место.

– Вспомнил: я ее на интеллектуальных играх видел. Помнишь, городские игры у нас в школе проходили. Ее дружок был в команде, а она ему все, что он не знал, подсказывала. Она и дружит с такими же. Охота тебе связываться с заумными?

– А на кой черт мне дуры? – отрезал Ник без всякой паузы, и Макс возликовал в душе, какой же он проникательный.

И как это, оказывается, здорово: нашел уязвимое место – и человек в твоих руках! Даже такой крутой. И уязвил еще разок.

– Конечно, она не дура, и хорошенькая. Я ничего не говорю. Вот только ты мне друг, а даже ее сестра говорит, что она мальчишница. Все пацаны в классе в нее повлюблялись, а ей нравится, что они таскаются хвостом. Развлечение, в общем, вроде коллекции. И еще, они

там все, с Зеленой улицы, настырные, все друг за дружку, а мы для них – чужие. Вот ты все серьезно, а она, Кларисса говорит, своих дружков ни на что не променяет...

Максим бубнил в том же духе, но отпора типа «А твоя Кларисса что, не с Зеленой улицы?» не получал. Ник, знающий толк в драках, первый раз в жизни не понял, что это тоже поединок. Он всерьез задумался над смыслом сказанного – и настроение упало.

Расшифровка

Марина сидела за партой и смотрела на друзей. Мальчишки после праздников подстрились. Артур зачесал волосы назад и выглядел совсем по-взрослому. У Рафаэля не осталось милых кудряшек, и он сделался похож на лопоухого олененка с большими черными глазами. «Ежик» Рудика стал еще колючее. Но постриглись не только мальчишки. Жанна отрезала свою толстую смоляную косу, и ее новая прическа напоминала Маринину. С непривычной копной на голове, она сидела неестественно прямо и неподвижно и не оборачивалась.

А вот большой, красный от загара Фольц поминутно ерзал, вертелся, прятал глаза, краснел еще больше, злился на себя за это и наконец зашептал почти вслух, сложив ладони рупором:

– Да Жанка придумала, а мы как дураки! А я говорил: заехать чужакам в морду, и дело с концом.

Рафаэль часто и беспомощно моргал, а встретившись глазами с Мариной, тут же красноречиво указал глазами на Жанну. Марина рассерженно вспыхнула, что означало: да хватит сваливать все на нее! Рафаэль, тыча в себя пальцем, начал выразительно прикладывать к уху воображаемую телефонную трубку, а потом отчаянно развел руками. Да, звонить Марине в эти дни было бесполезно.

После долгой паузы Рафаэль несмело поднял ресницы. Марина смотрела выжидающе. Конечно, никаких особых прав у него нет, но вдруг он их сейчас заявит? Болтала же Кларисса, что они все в Марину влюблены. Но Рафаэль робко указал на тетрадочку: «У меня есть новые стихи». Марина чуть не рассмеялась и махнула рукой: давай сюда. Рафаэль возликовал и кокетливо подал тетрадочку.

Тут ее ткнули сзади и подали записку. Это был квадратный листок в клетку, весь без пробелов заполненный четкими печатными буквами, которые не складывались ни в какие слова. Марина достала из-за обложки дневника такой же бумажный квадрат, но с прорезями и, накладывая его на записку, начала читать. Этот способ шифровки они с Артуром ввели в обиход, когда выяснилось, что их записки попадают в руки неприятеля.

«Марин, не сердись, – писал Артур. – Все получилось спонтанно. Мы видели, что Жанка сама полезла в лодку, только у нас от обиды мозги затуманились. Мы с мамой привезли новые фильмы, и «Властелина колец» вторую часть, «Две башни». Давай у тебя посмотрим, как всегда. Если хочешь».

Марина оглянулась и с улыбкой кивнула. На душе у всех четверых потеплело, все одинаково чувствовали, как с нее свалилась небывалая тяжесть. Но мир и покой были еще неполными.

Если хочется – значит, можно

На перемене Жанна подошла к Марине и с вызовом сказала:

– Все устроила я. Я разозлилась на тебя и всех подговорила.

Когда она высказала все, что должна бы выслушать, Марина растерялась. Жанна рассказывала о своем разговоре с Рафаэлем, Артуром и Рудиком, о том, как дружно они осудили Марину, как возмущались и, наконец, решили ее проучить. Слушать это было невыносимо, а демонстративная честность вызывала только чувство неловкости. «Зачем она все это говорит?!»

– Короче, ты теперь не хочешь меня знать.

Тут Марину осенило: да не важно, что она мелет. Важно, что она подошла. И Марина сказала самым обыкновенным, нисколько не натянутым голосом:

– Да брось ломаться. Косу зачем отрезала? Я тебя и не узнала.

– Я сама себя никак не узнаю, – взвилась Жанна. – Прямо чудовище какое-то! Я все думаю: если бы я была на твоём месте, а ты на моём, ты бы со мной так не поступила. И это бесит! А коса – черт с ней, я, наверно, несовременно выгляжу, если никому не нравлюсь.

– Артур фильм привез, пошли ко мне смотреть после уроков.

– Издеваешься, что ли? Предательство нельзя простить.

– Если хочется – значит, можно, – твердо сказала Марина.

– Правда, что ли, мир? – развеселилась Жанна. – И правильно! Не хватало еще поссориться из-за паршивого чужака.

– Он не паршивый.

– Чего? Так ты не собираешься послать его подальше?

Марина молчала, глядя на нее с изумлением.

– Ну ты даешь, – проговорила Жанна, подозрительно всматриваясь в лицо подруги. – А я обрадовалась, что все будет как раньше.

– Да чем он вам помешал? Вы же никто его даже не знаете.

– И знать нечего, – отрезала Жанна. – Ты, что ли, вообразила, что приведешь его в нашу компанию? И как это будет? Ну, представь: ты его хоббитов с нами смотреть позвала – и все сидят, как дураки, особенно мальчишки. И ему больно весело будет!

Марина не нашла что сказать. Жанна, кажется, права. Ник, такой замечательный, в их компании действительно будет и смотреться, и чувствовать себя, как... чужой. И он, и ее друзья – прямолинейные, открытые, поэтому и они его не примут, и он вряд ли захочет вписываться.

Но почему, почему хорошие люди не могут быть вместе! Ладно, она постарается разорваться на столько кусков, сколько друзей. Ведь о выборе и речи быть не может. И ничего страшного: душа – она большая, ее так много. Хватит на всех. А потом, может, как-нибудь все образуется. Конечно, они с Ником только что горевали, что опять начинается школа и они не смогут видаться так часто, только после уроков, но...

– На фильм его и правда не стоит звать. Я увижусь с ним завтра, – решила Марина.

Жанна довольно улыбалась.

Следующим уроком была математика, и Марине сполна досталось за камешек, брошенный в собачонку. Рафаэль самоотверженно пытался доказать, что это был он, но получил ответ: «Нечего ее выгораживать».

Но не это подпортило радость примирения. Когда Марина позвонила Нику сказать, что этим вечером занята, он огорчился больше, чем можно было ожидать, и почему-то сразу угадал: «Ты сегодня с ними?» Раньше ей ужасно нравилось, когда один из них понимал другого, едва тот начинал говорить. И даже если еще не начинал. Но эта телепатия озадачила. Ник рев-

новал ее к друзьям так же, как они – к нему. С равномерным распределением души ничего не получалось.

Такое бывает?!

– Гляди, куриный бог. Прямо как на море.

Марина взяла с протянутой ладони Ника серый голыш с дырочкой посередине. Они гуляли по безлюдному берегу озера. Шлепать босыми ногами по нагревшемуся за день мелко-воду было просто блаженством.

– Я буду его носить, – сказала Марина, снимая со шнура кулончик-сердечко и пытаясь попасть замахнувшимся кончиком в куриного бога.

Расходиться по домам не хотелось, хотя уже начали зажигаться фонари. На причале темно, лодочная станция закрыта.

– Давно не видно Лодочника, – заметила Марина.

– Он болеет, – отозвался Ник.

– А ты откуда знаешь?

– А мы с ним дружим, – как ни в чем не бывало прозвучал ответ, немного озадачивающий. – Я с ним как-то раз заговорил. Он так обрадовался. Он тогда еще в парке на аттракционах работал. Представляешь, стоит человек, десятки людей кругом, а он много лет молчит – просто потому, что никому до него нет дела и не с кем разговаривать. Он совсем один.

– Совсем один? А действительно, когда на него глядишь, его почему-то жалко, хотя у него и вся эта великолепная флотилия, и белая фуражка на голове.

– Его братья во время войны попали в плен, и их потом расстреляли, а двое других погибли. Мать с горя умерла, отца сослали на север. А он, самый младший, в это время был у каких-то родственников. Вернулся в пустой дом. Потом всю жизнь ездил с места на место. У него в доме столько интересных вещей.

– Ты и домой к нему попал?

– Навещал, когда он первый раз заболел.

– Так он твой родственник?

– Да нет же, просто познакомились. И так получилось, что у него, кроме меня, и нет никого... А давай?

– А давай. А разве удобно?

– Нормально. Далековато, правда.

В этой окраинной части города Марина никогда не была. Улица Пушечная Гора. Она и не знала, что такая есть. Какие-то совсем древние плохонькие домишки. Они стучались в один из них. Марина несмело оглядывалась. Представила, что потерялась, что не помнит дороги назад и с ужасом бежит по этому лабиринту, где изгибаются уродливые тени, и везде натывается на глухие заборы и скрипучие двери...

Яркий свет разогнал страх, созданный воображением. Обычная обстановка комнаты совершенно успокоила Марину. Лодочник узнал Ника и уважительно пожал ему руку. Он и в самом деле был рад. На фоне озера, причала с радостными разноцветными флажками, среди прогулочных катеров и лодок, в белой фуражке, Лодочник выглядел внушительно, а дома превратился в совсем другого старика – немного загадочного, с непроницаемым взглядом. На вопросы о здоровье он только отмахнулся и усадил их есть отличную жареную рыбу, даже тарелки мыть не разрешил.

– Что это? – Марина глядела на раскрытое старинное Евангелие, лежащее на приступочке деревянного шкафа с глухими дверцами.

Ник повис над плечом, и они листали страницу за страницей, рассматривая миниатюры, пышные заставки заглавных листов и тонкий орнамент. Сказочные крылатые грифоны и сфинксы соседствовали здесь с обыкновенными, неволшебными слонами, козами и зайцами.

– Красивая книга, – сказала Марина. – У нашей Доры тоже есть Библия, только современная, на глянцевой бумаге, с картинками из фильма «Иисус». Прямо как журнал. Кажется, бесплатно присылали по почте. Это совсем не то...

Лодочник незаметно улыбнулся, непроницаемый взгляд смягчился и потеплел.

– У меня много книг. Одни от отца остались, другие сам собирал.

Старик поднялся, открыл свой глухой шкаф и начал молча доставать оттуда большие старинные книги.

– С застежками, – по-детски обрадовалась Марина, даже в ладоши хлопнула.

И Ник глядел во все глаза, как на столе перед его подружкой возникали Коран и Библия, книги церковных песнопений, записанные древней нотописью, лечебник с рецептами средневековых снадобий, псалтыри и Четы миinei, пособия по астрономии, учебники, судебник, географические карты...

Они листали и разглядывали это богатство весь вечер. Лодочник и сам увлекся, достал совсем уж редкие книги, апокрифы – Евангелие от Фомы, от Магдалины, Евангелие изречений, где нет привычной событийной канвы и записаны только слова Иисуса.

– Такое бывает? – шептала Марина Нику – то ли о книгах, то ли о самом старике.

Ты ничего не понимаешь

Обратно она шла как в гипнозе. И в короткие счастливые годы, и в тягостные десятилетия войн оплывают свечи в узких темных кельях, и на доньшке остается чернил, настоянных на железной ржавчине и кожице молодого грецкого ореха. Не прерывается великий труд – создаются научные трактаты и поэмы, переписываются книги древних авторов. «Во времена бедствий и годину войн увозите книгу эту в город и скройте ее...» Горят города, корчатся в пламени рукописи. Истлели и окаменели те, что спрятаны в тайниках и пещерах. Утрачены тысячи, уцелели единицы. И тут, в никому не известном домишке...

В никому не известном? Стоп. А что, если...

Взволнованный рассказ Марины о базарном кулъке, о дяде Алике, который второй месяц разыскивает таинственного коллекционера, и озарение, что это и есть Лодочник, нисколько не встревожили Ника.

– Но ты же им ничего не расскажешь, – заключил он утвердительно.

Марина словно споткнулась на бегу.

– Как ничего не расскажу? Я целый час тебе объясняю, как для человека это важно. Он ученый, он работает с книгами, а если Лодочник распродаст их по одной всяким проходимцам...

– Тише ты. Об этом не кричат. Ничего он не распродаст.

– Откуда ты знаешь?

– В них вся его жизнь – ты что, не поняла? Он их собирал не для того, чтобы на этом нажиться.

– Можешь не разжевывать, я не идиотка, – обиделась Марина. – Понятно, что он с ними никогда не расстанется. Но ведь это небезопасно – держать такую библиотеку в этом сарае, в трущобах...

– Ну вот, ты сама все понимаешь, – успокоился Ник. – Зачем же ему раскрываться? Около него и так уже начали виться проходимцы. Когда он просил меня продать те книжки, он тоже болел, с деньгами совсем было туго. Я сколько на бензоколонке зарабатывал – все равно не хватало, да он и братъ не хотел, гордый. Тогда я еду ему покупал и лекарства – принесу, и все. Назад не понесу. Но все равно не хватало, вот и засветились с книжками. Он их никогда никому не показывал, а теперь даже музейщики твои – и те уши топориком.

– А еще кто?

– Макса еле отвадил – все предлагал еще раскрутить старика хоть на пару книжонок. Я, говорит, не туда понес, а он будто нашел, кому сбыть. Так они, ценители, и без Макса обойдутся, если очень захотят. Вот спроси у своего Артура – у него ничего уже нет, все забрали.

– Это я забрала для дяди Алика... А ты неужели такой наивный, если знаешь, что началась охота, и думаешь, что они не доведут ее до конца.

– Ну, сейчас дойдет до того, что во благо Лодочника я должен его продать, – с иронией проговорил Ник.

– Ты ничего не понимаешь! – Марина глядела на него с удивлением.

– Это ты ничего не понимаешь. Человек имеет полное право не отдавать никому то, что ему принадлежит. Его добро – ему распоряжаться. Мало ли кому что нужно. Это их проблемы, и они с ними справятся. Без нас. Я в этом не участвую. И ты в этом не участвуешь.

– Но вдруг бы дядя Алик и Лодочник нашли общий язык? Я могу хотя бы сказать папе...

– Не можешь, – категорично заявил Ник. – Ты сама поймешь, что не можешь, когда вспомнишь, как тебя Лодочник принял. А он видел тебя второй раз в жизни. Он тебе доверился. У меня глаза на лбу были, когда он все из шкафа начал вытаскивать, – он мне этого не

показывал никогда! И ты папе рассказывать побежишь, а я тебя привел, и кто я после этого? И чем мы тогда от проходимцев отличаемся!

– Я подумала, ведь можно было бы с самим Лодочником поговорить осторожно, – еще раз попыталась Марина. – Но если ты считаешь, что для него это будет оскорбительно...

– Будет. Получится, что никому верить нельзя, все только ищут, где урвать. И мы такие же. Тебе же его «почему-то жалко» было, – передразнил Ник.

Оставшуюся часть пути они шли молча. Каждый пытался осознать одно и то же: мы первый раз не поняли друг друга.

– Совсем совесть потеряла. Сестрица с чужаком спуталась, так ей и есть в кого. А наша-то, наша!

Петровна и Глебовна и ночью не дремлют.

– Что, у тебя теперь неприятности будут? – встревожился Ник. – Мы, что ли, припозднились совсем?

– А куриный бог на что? – Марина повертела камешком на шнурке. – Он меня защитит. Оба с облегчением улыбнулись, и прощание было более радостным, чем встреча.

Рецепты для влюбленных

– Дай сюда.

Кларисса показывала на постер с изображением взлохмаченной Земфиры. В Странном Доме шла предпасхальная уборка. Дора мыла окна, Павлик чистил пылесосом ковер в своей комнате, а Марина вытащила на середину гостиной охапку старых журналов, исписанных тетрадок и просматривала их перед тем, как выкинуть. В журналах «Cool» оказалось несколько невыдернутых постеров. Для Рудика нашелся Децл, а для Ника – Малдер и Скалли из «Секретных материалов».

– Эта Земфира – Жанне, – отказала Марина. – Возьми вон ту.

– Такая у меня есть.

– Как хочешь.

– Очень уж ты о них заботишься, – фыркнула Кларисса.

Она не осталась в долгу. Полистала следующий «Cool» и обрадовалась:

– Гляди-ка, прямо про тебя. Слушай: «Кто придумал, что любовь – это постоянство? Часто девушки встречаются сразу с двумя-тремя парнями, причем делают это осознанно. Они как бы разграничивают „обязанности“ ребят: с одним ходят по музеям и выставкам, другой катает девушку на машине, а третий – хороший собеседник и приятный человек». Ну копия! Всех твоих перечислили! «И ладно еще, если при таком раскладе девушка поддерживает интимные отношения только с кем-то одним»...

– Ты что, совсем того? – вспылила Марина.

– Ага, правда глаза колет!

– А ну, пошла отсюда! – закричала Марина, выхватывая журнал.

Кларисса картинно хохотала, закатывая глаза и не думая никуда уходить.

«На самом деле не обязательно отношения девушки и юноши, мужчины и женщины бывают и должны быть любовными», – мелькнуло на странице. Марина присела на ковер. Что там дальше?

«Более правильным и честным было бы четко определить жанр отношений. Сказать: „Романы не для меня, я о них пока не думаю“. Или так: „Мы с тобой (может быть, пока) только друзья“. Или: „У меня есть парень, к которому я испытываю серьезные чувства. А ты для меня просто товарищ, интересный человек“. Больше того, некоторые ребята будут только рады такой определенности, потому что жанр приятельских отношений проще и ни к чему не обязывает».

И впрямь похоже на их запутанность. Как в журнале все просто и ясно. Вот только странно представить себя с декларацией на устах: «Артур (или Рафаэль), мы просто товарищи!» Театр. А если серьезно, сомнения берут, что они будут рады такой определенности, а не почувствуют себя оскорбленными. Уж она-то их знает.

А «серьезные чувства к другому»? Есть рецепты и на этот случай? Марина открыла еще один «Cool» и увидела рецепт, только не для себя. «Овидий, древнеримский поэт, в книге „Наука любви“ советовал растерянным юношам следующее: чтобы нравиться девушкам, надо быть опрятным, спортивным, изобретательным и настойчивым. Во-первых, твоя одежда должна быть безукоризненно чистой, так же как твое тело, твои волосы и зубы...»

Сразу же представился всегда безукоризненный Ник в его всегда свеженьких маечках. Совпадает! Значит, он... Надо же, а полгода назад, когда она только покупала эти журналы, на эти рубрики совсем не обращала внимания.

Тут за окнами зашуршала машина, и Дора из кухни крикнула:

– Пал Палыч приехал!

Как его зовут?

Марина и Павлик понеслись встречать отца, а Рольд их обогнал и радостно лаял в прихожей.

– Предлагаю сделать перерыв и поесть, – сказал Пал Палыч, появляясь в комнате.

– Нет, сначала подарки, – завопил Павлик, повисая на руке, в которой было множество пакетов.

Вместе с Пал Палычем из Москвы всегда приезжали подарки. Он любил ощущать себя рогом изобилия.

– Конечно, сейчас будет ваза, – сказала Марина, и они с Дорой засмеялись.

– Ничего подобного. Книжка, третья часть «Властелина колец», как заказано. Аукцион: тысяча – кто больше?

– Десять тысяч. – Марина выхватила книгу. – А сейчас будет ваза.

– Никакая не ваза. Краска для пасхальных яиц, какая-то особенная, все брали, и я взял. Посмотрим, чем она отличается от луковой шелухи. Две тысячи!

– Три! Это Доре, – заявил Павлик, передавая засмуцавшейся Доре пакетики.

Расплачивались по-настоящему, честно – бумажными деньгами из «Монополии». Пал Палыч только успевал рассовывать их по карманам.

Кларисса сидела среди этого гвалта с отсутствующим видом.

– Земфира, – провозгласил Пал Палыч, вытаскивая диск и предвкушая дочкин восторг, но Марина безразлично произнесла:

– Снимаем с аукциона. Это Клариссе. – И добавила: – У меня такой есть.

Кларисса не сразу протянула руку. Никогда еще она не чувствовала себя более чужой на празднике жизни, а свою игру в счастье – более фальшивой, и не сразу поверила, что ей на самом деле что-то полагается.

– А Еве? – тихо спросила Марина.

– Еве – письмо от Алика, – так же тихо ответил отец.

– Как его работа?

– За книжку с цветочками тебя благодарит. А дальше навести справки взялся Фольц, раз у нас ничего не выходит. – Марина тревожно вскинула глаза, но Пал Палыч уже объявлял цирковым голосом: – Маска для подводного плавания. Десять тысяч!

– Двадцать, – закричал Павлик, оглушая всех, и, напялив маску, обратился к сестре: – Меня Ник научит, да?

Марина замешкалась с ответом, а Пал Палыч как ни в чем не бывало сообщил, усаживаясь за стол:

– Когда нога моя покинула автомобиль, но еще не ступила на землю, я услышал дуэт, состоящий из обвинений, сплетен и народных причитаний. Таинственный чужак! Ночные похождения! Зеленая улица в шоке.

– Все врут, – убежденно сказала Дора, тревожно глядя на него.

– Врут, – равнодушно согласился Пал Палыч, включая телевизор. – Я тут же уточнил у Лончинского, он как раз с работы шел. – И потеплевшим голосом: – Это сын Леночки Берестовой из нашего класса. Как его зовут?

– Ник. Николай, – ответила Марина немного напряженно, с удивлением улавливая в последних фразах отца нотки необычной нежности – не к ней, Марине, относящейся.

– А почему я один на еду налегаю? Вы что, мороженым объелись? Значит, его в честь легендарного деда назвали. Николай Берестов – основатель нашего парка. Елена и фамилию девичью оставила, и дело продолжает.

– Ник тоже Берестов.

– Резонно. Громкая фамилия пригождается в жизни. И как он, тоже по этой части пойдет?
– Не знаю. Экзамены в июне будет в химвио сдавать. В профильный биологический класс, – расшифровала Марина, совершенно успокоившись.

– А ты куда решила?

– В гуманитарный. Поменьше Рахиль буду видеть.

– Кто кого допек?

– Взаимно. У вас ведь она тоже была.

– И монологи были все из той же оперы.

– А форму девочки какую носили?

– Да примерно как у вас, только с черными фартуками и белыми воротничками. Вы мне напоминаете наших девчонок, правда, им не разрешалось побрякушки надевать. А что это у тебя на шее? Батюшки, куриный бог!

– Да что вам всем дался мой куриный бог, – возмутилась Марина. – А какая девчонка в вашем классе была самая красивая?

– Было две самые красивые, мы их так и называли: Ева-королева и Елена Прекрасная. В Леночку Берестову я был влюблен, но ее внимания не заслужил. Подозреваю, что казался ей слишком легкомысленным.

Интересно было представлять взрослых молодыми, да еще в знакомых школьных декорациях. Прямо кино!

– А вот Мариной маме казалось, что я состою из сплошных достоинств, – продолжал Пал Палыч, поворачиваясь к Клариссе. – Это обезоруживало, и приходилось соответствовать.

– Марина на нее похожа? – поинтересовалась она.

– На меня. Ты же видишь, какая она красивая, – скромно отозвался Пал Палыч, подмигивая, и Кларисса не могла уловить, шутит он или нет.

– А когда же ты был влюблен в маму? – спросила Марина.

– Так это она сначала была в меня влюблена, – с видимым простодушием разложил по полочкам Пал Палыч.

– И как ты об этом узнал?

– Случайно услышал. Они с подружкой меня обсуждали. Мне это ужасно польстило, но виду я не подавал, а просто начал обращать на нее внимание и не заметил, как влюбился. А дальше – хуже: в десятом классе Рахиль Исаковна стала прорабатывать нас на собраниях, пророча скорую покупку коляски. Еще мне, помнится, не место было в комсомоле. На дно общества, что ли, я должен был опуститься с таким поведением. Ну, не любила она никакую любовь. В общем, досталось нам тогда. Из учителей один Иван Платоныч, историк, пытался нас защищать...

Марина сделала большие глаза и с опаской покосилась на Клариссу, но отец не понял ее мимики, а Кларисса спросила:

– А дальше как?

– Замечательно, – отрапортовал Пал Палыч. – Мы сразу после школы поженились и сразу уехали. Учиться поступили. И коляска – само собой, дело житейское. Сюда, в Белогорск, я долго не хотел возвращаться, до того нам все тогда оскомину набило. А вернулся – старые друзья, старые улицы. Все настоящее. А прошлые дразги – совсем не главное, шелуха. Думаю, и твоя мама что-то подобное должна сейчас ощущать. Дома и стены помогают. Ева ведь тоже домой вернулась после стольких лет, – повернулся он к Марине. – Из Севастополя. Она не рассказывала? Там теперь другое государство, наши бедствовали, к сожалению, – кивнул он на Клариссу, – но теперь это в прошлом. Думаю, сейчас все наладится. – И опять с аппетитом принялся за обед.

Марина вспомнила соседские сплетни про погибшего моряка. Надо будет спросить у отца потом, без Клариссы и Павлика...

– А в мою маму кто-нибудь в классе был влюблен? – неожиданно задала вопрос Кларисса.

– Алик. Но был отвергнут, как и я – Еленой. Они нашли солидных, взрослых – лет за двадцать – женихов. Не нам чета... Павлик, сделай бабушку Аллу потише. Она уже надорвалась, зовя меня с собой.

– Там уже дедушка Леонтьев, – сказал Павлик, дотягиваясь до пульта. – А они тоже были, когда ты был маленьким?

– Они были вечно.

– А что они тогда пели?

– А вот это: птич-ка-счасть-я завтрашнего дня! Ты летела, крыльями звеня!

Пал Палыч для пущей наглядности вылез из-за стола и начал скакать, махая крыльями. Павлик с визгом присоединился к нему. Через минуту все, включая Клариссу, подпевали: выбери меня, выбери меня, птичка счастья завтрашнего дня.

– Ну, тебе повезло, – заявила Кларисса, остановившись в дверях кухни, где Марина мыла посуду. – Я думала, сейчас начнется. Покажет тебе Пал Палыч, как романы крутить. А он какой... демократичный.

– Он понимающий, – уточнила Марина. – Я один раз слышала, как он кому-то говорил, что родители должны быть для своих детей адвокатами, а не прокурорами. Потому что обвинителей и так навалом. Так он же и по профессии адвокат... А тебя твоя мать тоже вроде не пилит.

– Еще бы она меня пилила, – неожиданно взорвалась Кларисса. – Тут хоть свет перевернись, а она будет сидеть в своем углу и думать о чем угодно, кроме меня! – И, так же неожиданно остановившись, задала непоследовательный вопрос: – А как зовут твою мать?

– Как меня.

– А-а-а... Марины и Павлики должны жить в веках, – криво усмехнулась Кларисса. – А кстати, куда она делась? Она что, с вами не живет?

– Она умерла, когда родился Павлик. Врачи запрещали ей иметь второго ребенка, но она очень любила папу и очень хотела родить ему сына.

Кларисса промолчала, Марина оглянулась, тогда она окрысилась:

– Чего уставилась? А у меня нет красивых семейных легенд.

Вошел Павлик, неся из комнаты тарелки. Услышал последнюю фразу.

– А у нас есть легенда про вазу!

Пал Палыч был мастер на уникальные покупки. Однажды он приобрел небольшой бюстик деятеля, которого невозможно было опознать. И домочадцы, и гости высказывали разные предположения. Марина с Артуром даже перерыли в поисках несколько энциклопедических томов. Сдавшись, решили, что это писатель, назвали его НЛО – неопознанный литературный объект – и приспособились колоть им орехи.

Но для чудовищно безвкусной вазы, также купленной однажды Пал Палычем, применения никак не находилось. Выставлять ее в комнате было нельзя, хранить в ней, на худой конец, крупу – невозможно из-за узкого горлышка. Тогда Марина потихоньку отнесла ее в магазинчик Грачевых – а вдруг кому приглянется. Через пару дней Пал Палыч появляется сияющий, с вазой в руках: «Представляете, точно такая же ваза! В магазинчике у базара. Я купил ее для симметрии!»

Конечно, безвыходных ситуаций не бывает, и дважды купленную вазу можно было бы нечаянно разбить, но ее сохранили в качестве экспоната для гостей, так же как и НЛО.

Давайте жить дружно

Ник застал их расстроенными. Марина и Павлик сидели на корточках у крыльца, одинаково свесив кудрявые светлые головы и подняв на него одинаковые серые глаза.

– Ты посмотри, что она наделала.

Перед ними было жалкое адамово деревце с ободранными ветками.

– Оно зацвело, ты представляешь, оно зацвело! Я думала, что только на следующий год, а оно... А она...

Единственный сохранившийся цветок беззащитно и доверчиво показывал свои голубые лепестки. Никто не сомневался, что злодеяние было делом рук Клариссы.

Ник мельком взглянул в открытую дверь дома, за которой угадывались очертания Мариного мира, в который его никогда не приглашали. Не так уж он и хотел попасть в общество дотошной нянюшки, ироничного отца и их непонятной гостыи. Но, еще будучи чужаком-наблюдателем, не раз видел, как в Странный Дом запросто заходят и этот стриженный ежик, и чудик с оленьими глазами, и прилизанный тихоня из магазинчика. Как к себе домой. Друзья детства.

– А давайте, – жизнерадостно предложил Ник, – мороженое пойдем есть. Дерево жалко, конечно, но оно же не совсем погублено. Гляди, вот здесь и здесь еще бутоны набираются. Давайте его польем, и вперед.

Они расположились с мороженым на краю пересохшего фонтана. Ник уселся в середину сооружения, на постамент с большой каменной рыбой, и начал надувать разноцветные шарики, вкладывая их один в другой. Павлик лизал эскимо и не сводил глаз – что получится? Тут рыба заклокотала, забулькала, плюнула и выпустила пробную струю воды, потом еще одну.

– Фонтан включили!

Заработали маленькие фонтанчики по окружности, в водяной пыли родилась радуга, а каменная чаша начала наполняться, поднимая на поверхность, как лодочки, прошлогодние сухие листья. Ник и Павлик выбрались, встряхиваясь и хохоча.

Несмотря на катаклизм, Ник держал невредимым результат своих вдохновенных усилий – огромный шар с другими, поменьше, заключенными внутри. Марина пожертвовала, чтобы завязать его, свою резинку для волос.

– У кого-нибудь есть фломастер? Мы бы ему рожу нарисовали!

Перебрасываясь шаром, они вышли посушиться на солнце.

– Ба! Вот это встреча. – Перед ними стояли Кларисса и Макс.

Ник дернулся в сторону, но спастись было уже невозможно. Навстречу им сияла свободная, ленивая Максова улыбка.

– Почему вы ото всех скрываетесь? – спрашивал он Марину, в упор глядя на нее неотразимым, как он сам считал, взглядом. – Все знают, что это дикарь, – Макс указал на Ника, – но мы уже забыли, как он выглядит...

Он продолжал говорить, Марина вежливо слушала, Ник и Кларисса нервничали: драгоценные минуты бессовестно убивались идиотской болтовней. Синее платье и рыжие волосы Клариссы были украшены нежно-голубыми цветами. Марина подчеркнуто не глядела на нее, не опускаясь до склок при посторонних, но бескомпромиссный Павлик выступил вперед и испортил светскую беседу.

– Ты, дура! Ты зачем цветы сорвала? На это дерево должна была прилететь птица феникс!

– Черта с два она прилетит, – успокоила его Кларисса и повернулась к Марине: – Вот видишь, до чего ты его довела своими сказочками. Вырастет такой же чокнутый, как ты.

– Сейчас я разберусь, кто тут чокнутый, – угрожающе шелестя новым платьем с золотыми зигзагами, блестящим, как фольга, надвигалась Жанна.

Кларисса скривилась:

– И откуда тебя принесло?

– Шла тут мимо.

– Да лучше бы другой дорогой.

– Девочки, девочки, – вмешался Максим. – Давайте жить дружно.

– Дружно разойдемся в разные стороны, – уточнил Ник.

– Ну нет, – решительно заявил Макс, – никуда я вас не отпущу. Ник, давай угостим девчонок. Пошли в кафе. Сладкое – лучшее средство от стресса.

– Да мы собирались... Может, не надо, – начала Марина, но Макс с напускной свирепостью топнул:

– Надо! – И, взяв ее под руку, быстро зашагал в сторону «Забавушки», продолжая высказывать: – Что, так и будем ругаться, нелюдимиться? Говорю же: давайте жить дружно.

Жанна, Кларисса, Ник и Павлик, угрюмые, поодиночке двинулись за ними.

Оставайся с нами

– И чего вы с ним потащились? – сказала Жанна Нику, останавливаясь на перекрестке. – Мне дальше в ту сторону. А вы вряд ли развеселитесь в этой компании. Да, скажи Марине, пусть позвонит Рафаэлю, он какое-то письмо получил из журнала. – И зашагала, не простившись с остальными.

Макс утащил Марину уже далеко, они заходили в «Забавушку». Он с вежливой назойливостью спрашивал, что заказать, а Марина, с тоской думая, что вот испорчен день, вяло отвечала что-то. Она оскорбляла Макса своим равнодушием. Раздраженный, он огрызнулся на подошедшую Клариссу и предложил Нику пойти в тир, который был в соседнем зале. Тот оживился.

– Мне, пожалуйста, торт, – раздался звонкий голос у прилавка.

Марина оглянулась. На мгновение показалось, что все это уже было, и к этому ощущению примешивалось странное беспокойство. Объяснение находилось где-то рядом, в этих стенах. Она переводила взгляд. Солнечный свет с улицы... витрина... торт... стеклянная дверь. Вдруг прямо перед собой она увидела Макса, по-новому в него взглядела. Тот готовно улыбнулся, но ее взгляд был жутким и проходил сквозь него. Улыбка поползла на сторону. Он медленно повернулся. Оба смотрели на болтающуюся стеклянную дверь.

Если Марина узнала его, то он обо всем догадался – догадался необъяснимым образом, так как не обернулся тогда к девчонке, попросившей купить торт, чтобы не показать лица, – два месяца назад, в этой кондитерской.

– Ну, мы идем или не идем? – Нику не терпелось попасть в тир.

Кларисса их опередила и уже во что-то целилась.

Марина не знала, что делать: заявить во всеуслышание, что это – вор, укравший ее деньги? Вот у Жанки всегда выскакивают готовые решения. А где она, кстати?

– Она с нами не пошла, – отозвался Ник, расплачиваясь и цепко глядя на мишени. – Дела какие-то.

– А что же ты про Рафаэля не скажешь? – поддела Кларисса. – Она же просила передать. – И без паузы продолжила: – Ему какое-то письмо пришло из журнала. Поди, опять отлуп. Наверно, вешаться собрался. Просил позвонить – прощаться хочет.

Марина пристально поглядела на нее – врет или не врет – и сунула руку в карман за мобильником. Пусто. Остался дома. Все из-за этой Клариссы! Ладно, здесь, в кафе, есть таксофон. Вот, как раз жетон завалился среди мелочи.

– Ты куда? – крикнул вдогонку Ник, уже сделавший первый выстрел, и Кларисса тут же объяснила:

– У Рафаэля проблемы, не понял, что ли? А ты подождешь.

Макс почувствовал, что сгустившиеся было тучи расходятся, причем сами собой. Надо их только легонько направить.

– Ты воображал, что центральная фигура, а на самом деле – последний на скамейке запасных. А я говорил...

– Пришел стрелять – стреляй, – был ответ.

– Да я-то стреляю...

– Она сейчас к нему еще и побежит, вот увидишь, – вставила Кларисса. – Этот размазня всегда был любимчиком.

Ей ответа не было. Ник промолчал. Стрелять ему расхотелось.

– Спорим на сколько хочешь? – не унимался Максим.

Марина подошла расстроенная.

– Не дозвонилась, – тихо сказала она Нику. – Знаешь, пойдём уже отсюда.

– А что? – Ник непонятно глядел на нее.

– Пойдем, по дороге расскажу. Это важно. И к Рафаэлю надо зайти, вдруг что случилось.

– А я на улице подожду? На скамейке? – Ник глядел еще непонятнее.

Кларисса и Макс пересмеивались.

– Не уходи, Мариночка, оставайся с нами! – весело выкрикнул Макс.

Он смеет еще рот разевать, про себя удивилась Марина и повторила:

– Пойдем.

– К Рафаэлю? – утвердительно спросил Ник.

– Да я на минуту забегу, только узнать, в чем дело. Понимаешь, ему столько раз обидные бумажки приходили из разных журналов. Если опять, он правда повесится.

– А ты потом, из дома не можешь ему позвонить? – сказал Ник каким-то очень уж сдержанным голосом.

– Ты пострелять, что ли, хочешь? – не понимала Марина. – Тогда оставайся, а я туда и обратно. Подожди меня здесь.

Взгляд у Ника совсем остановился. Кларисса и Макс хохотали все громче, но Марина не смотрела на них.

– Не уходи. Потом позвонишь.

– Ну, это у нас лыко-мочало. Ладно, я быстро. Павлик, ты со мной?

– С тобой, – быстро сказал Павлик, прижимая к себе фантастический шар. Он испуганно переводил взгляд с лица сестры на лицо Ника, не понимая, что происходит.

Ник подавленно молчал. Макс ликовал. Кларисса смотрела Марине вслед, смутно желая, чтобы Рафаэлю действительно прислали отлуп.

Загадка снежного человека

– Ну, что они написали?

– А ты погляди. – Рафаэль торжественно подал толстый конверт.

Марина вынула из него книжку – «Загадка снежного человека», повертела в руках, вопросительно поглядела на Рафаэля.

– Это приз!

Марина развернула листок, вложенный в книжку. «Привет, „самый-самый“!.. Как и обещали, мы награждаем тебя одной из книг захватывающей, полной тайн, загадок и удивительных превращений серии „Ужастики“... Итак – вперед, к вершинам литературного олимпа!»

– Победа, – прыгал Рафаэль, не замечая, что подружка совсем не реагирует на событие. – И это еще не все! До наших жирафов тоже дошло.

Он протянул листок местной газеты. Марина торопливо пробежала глазами строчки, на которые указывал палец.

На бледной шее Млечного Пути
Висит луна янтарным медальоном.
Актриса-ночь со звездным перезвоном
В старинном танце над землей летит.

– Тебя напечатали?! В «Вестях»?

– Ага, – подтвердил Рафаэль, улыбаясь от уха до уха.

– Поздравляю, все очень здорово, но мне надо бежать.

Во всем этом было что-то не то. С неприятным предчувствием Марина вернулась в кондитерскую и, никого не увидев, помчалась домой. Там оказалась Кларисса. Марина подступила к ней с расспросами, и та рассмеялась в лицо.

– Да мы же поспорили, что ты побежишь к своему Рафаэлю. Ты и побежала, как дура! А твой парень убедился, что тебе на него наплевать.

– Врешь, – повторяла Марина, все более убеждаясь, что Кларисса не врет, но не в силах представить своего Ника в кругу глумящихся негодяев. Она даже трясла головой, чтобы избавиться от этих мыслей, которые не умещались в сознании. Ревность ко всем ее друзьям вместе и к Рафаэлю в отдельности – это было еще понятно, но участие в розыгрыше? Ник, дергающий ее, как куклу, за веревочки вместе с остальными? Вместе с ними смеющийся?

Издавательский хохот Клариссы уже не мог пробиться сквозь обиду, затопившую душу, как наводнение. И обида все увеличивалась, чем дольше Марина сидела в своей комнате, неподвижно, не слыша ни обычного домашнего шума, ни телефонных звонков.

Она так и задремала в кресле с приходом темноты, как вдруг услышала голос с улицы. Ее звали по имени. Приснилось? Она долго ждала. Закрыла глаза. Голос повторился.

Марина включила свет и подошла к окну, но ничего не увидела – только светлое пятно отраженной комнаты и собственное лицо. Напрягая глаза, с трудом различила деревья, темную ограду, но тут же собственное отражение снова заслонило от нее все. Она могла видеть только себя и думать только о себе.

Не дали посмотреть

Медведевы собирались ужинать.

– Как хотите, Пал Палыч, а надо что-то делать. – Брови Доры были непривычно сдвинуты, а круглые вишневые глазки моргали растерянно. – Который день сидит, ни с кем не разговаривает, к ребятишкам своим не выходит – потопчутся и уйдут. Не ест ничего.

– Примерно этого я и боялся – что любовь восьмого класса не доживет до девятого, – серьезно ответил Пал Палыч. – Павлик, включай, «Звездный путь» начинается. И зови Марину.

– Марин! – на весь дом закричал Павлик. – Пойдем, уже бороздят!

И за руку вытащил сестру к телевизору, в котором торжественно произносили: «Корабль „Энтерпрайз“ бороздит просторы Вселенной. Девиз команды: смело идти туда, где не ступала нога человека». Это был их любимый сериал, который просто нельзя было не смотреть.

Марина села на диван, глядя мимо экрана. И тут появилась Ева. Не обратить внимания на то, что она вылезла из своего угла и смотрит телевизор вместе со всеми, было невозможно. Более того – она следит за происходящим на экране с видимым интересом. Зато она, Марина, кажется, стала ее подобием. Окончательно вывел ее из оцепенения вопрос отца:

– А ты уже не носишь своего куриного бога?

– Нет.

Дора отлучилась на кухню, и Пал Палыч, наклонившись, негромко сообщил:

– Представляешь, что наша Доротея выбрала себе в подарок? У нее же день рождения в субботу. Попросила ничего не покупать, а отдать ей вазу, ту самую. Которой мы гостей смешим. Неужели она ей нравится?

Марина покачала головой.

– Это потому, что ты ее купил.

– А я думал, она будет ей символизировать наше веселое семейство. – При слове «веселое» Пал Палыч помахал ладонью у виска.

– Не притворяйся. Ты думал то же, что и я. А куриный бог лежит в шкатулке. Дора тоже себе вазу на шею не повесит.

– Ну-ну. А твой мальчик вчера приходил. Павлик, реклама – выключи звук.

Павлик выключил, но тут же принялся озвучивать сам:

– В компании с Толстяком время летит незаметно! Почувствуй себя богиней! Храбрость ковбоев Хаггис известна всем! «Нескафе» – аромат моего утра!

Марина почувствовала, что сейчас его чем-нибудь треснет.

– Но это неинтересно, наверное, – заговорил наконец Пал Палыч. – Когда решаешь с кем-тознакомиться, не подходишь к телефону, делаешь вид, что никого не видишь под окнами, то лучше и не слышать ничего, – заключил он. Потом добавил: – Если уже все равно.

– Зачем приходил?

Фильм продолжался. Марина отняла у Павлика пульт и уменьшила громкость.

Но Пал Палыч пошел на кухню, где свистел чайник. Вернулся.

– Тебе налить? А тебе, Ева? А тебе, Павлик? Дора?

– Когда приходил? – Марина отодвинула и чашку, и чайник.

Пал Палыч был краток.

– Вчера. Тебя не было, я предложил подождать в твоей комнате. Он посидел полчаса и ушел.

Марина зажмурилась и уткнулась лицом в поднятые колени. Представила Ника у себя в гостях, куда она его так и не пригласила. Вот он набрался храбрости и звонит в дом. Вот он лицом к лицу с папой. Вот он в ее комнате. Каждую секунду ожидает, что она войдет и скажет

что-нибудь злое или сразу выгонит. Глядит на ее пианино, игрушечного льва, разбросанные на подоконнике журналы и книги, на картину с дорогой никуда...

Он сидит или просто прислонился к чему-нибудь? Жанна любит сидеть на подоконнике, Рафаэль – в кресле, Артур – в том углу, Рудик – просто на ковре. У всех ее друзей здесь есть свои места. А у него нет. Но ведь они так недавно знакомы. А как он здесь мог себя почувствовать? Опять это слово. Скорее всего, чужим. Но ведь это неправда! Просто она не успела... А теперь все испорчено.

– Мы еще в шахматы сыграли, – добавил Пал Палыч.

Марина встрепенулась:

– Что?

– Ну, ты где-то тоску разгоняешь, а мне что делать с этим пришельцем? Начал развлекать. Он очень достойно держался. Потом доскажу, а то мы никому смотреть не даем.

«Развлечения» Пал Палыча были головоломными, типа неопознанной скульптуры. Шахматы тоже были больше, чем просто шахматы. Они сохранились со времен его детства, и некоторые фигуры давно потерялись. Их заменяли пуговицами, пока однажды Павлик не предложил великодушно своего львенка из киндер-сюрприза. Вместо слона. Но ведь лев и слон, рассудили Пал Палыч с Мариной, фигуры совершенно разные. Нелепо, чтобы лев ходил, как слон. Логично, что он разгоняется и прыгает через всю доску. А какая динамика в игре!

Потом киндерами заменили остальные пуговицы, в основном пешки. Так в игре появились дракоша, пингвин, акула, кролик и бегемот. Со своими правилами, конечно. Традиционные игроки их с трудом воспринимали. Даже дядя Алик, шахматист-разрядник, запутался и плюнул: «Ну вас, понимаете ли, с вашими шахматами». Хотя по новым правилам рядом с доской стояла коробка с киндерами, и он мог выбрать любую фигурку и прибавить что-то свое.

Опять началась реклама. Пал Палыч продолжил:

– Он очень достойно держался. Знаешь, о человеке за час игры можно узнать больше, чем за год беседы. Какой-то писатель сказал. Наверное, наш НЛЮ. Так вот, он радовался, когда выигрывал, и не переживал, когда проигрывал. Не жульничал. Не выходил из себя, когда жульничал я. Ходы обдумывал, не горячился, но и не тянул. И самое главное – он может играть по нашим правилам! Все понял сразу, представляешь. Это редкость. Я оценил.

– Да он просто себя контролировал, потому что сидел как на горячей сковородке, бедняга, – заметила Ева.

– А я как сидел? – возразил Пал Палыч. – У меня одна дочь, а не десять. И потом, твой Алик ничего не понял про наших зайцев и драконов. Тут не в этом дело...

– А он похож на Лену? – снова подала голос Ева. – Жаль, я не выглянула посмотреть.

– Одно лицо. Ее глазами смотрит.

– Надо же. У тебя в семье симпатии передаются по наследству.

Но Марина не замечала такое диво, как говорящая Ева, и напряженно ждала, не добавит ли отец еще что-нибудь. Он вспомнил:

– Да, я предложил ему Павликову коробку, и он ввел в игру лягушку. Сейчас покажу, как прыгает. Где доска? Вот, «ныряет» по диагонали, пропускает эти фигуры под собой и «выныривает». Сбила пешку. Представляешь, какие возможности? Можно делать классные обходные маневры... Ага, вижу, вижу, что интересно!

Ева и Дора смеялись, глядя на них. Но даже смеющаяся Ева была ничем в сравнении с лягушкой Ника.

– Эту игру века надо было снять скрытой камерой. А потом он ушел, – неожиданно завершил Пал Палыч.

Марина с надеждой взглянула на него: может, еще не все?

– Не дали фильм посмотреть, разболтались тут, – ворчал Павлик.

– У калитки кто-то стоит, – сообщила Ева, глядя в окно.

Марину словно сдуло с дивана.

А я к тебе

У калитки стоял Макс. Кларисса не своим голосом говорила ему с крыльца:

– Чего надо?

– Не тебя, – зло отвечал он.

– Катись из моего дома.

– А он не твой. Думала, я не узнаю, кто ты? Дочь сумасшедшей Евы! Наболтала о себе!

Кларисса вспыхнула, круто повернулась и чуть не сбила Марину с ног, убегая в дом.

– Это мой дом, – сказала Марина, выходя. – И здесь не сцена, найди другое место для трагедий.

Но Макс уже сиял своей обычной улыбкой.

– Какие трагедии! Просто не люблю, когда лапшу на уши...

Марина молча повернулась к двери.

– погоди! Может, ты удивишься, но я к тебе. Пойдем погуляем? Погода хорошая.

Марина смотрела на него, не находя слов и думая, что выражение «немая сцена» – как раз про это.

– А почему нет? – невозмутимо продолжал Макс. – Не дожидаясь же ты нашего Николу. Вот кто находка: чувство юмора на нуле, ревнует к каждому столбу. Сплошное развлечение. Или он тебе еще не надоел после «Забавушки»?

Он искренне уверовал, что все со всеми поссорились, разоблачения не будет никогда, и почему бы не попробовать поковать железо, тем более что эта блондиночка с самого начала больше подходила ему, чем этому лоху Нику. А про деньги можно наплести что-нибудь, заговорить зубы. Уж это у него всегда получалось.

Дверь за Мариной захлопнулась, а на улице послышались свист и хохот. Там был Рудик Фольц с друзьями. Максим понял, что у него проблемы. Вспомнилось, что раньше в таких случаях его всегда выручал Ник.

Подыщи другую школу

Классный час проходил буднично и монотонно. Рахиль Исаковна диктовала расписание экзаменов – для тех, кто собирался на следующий год в профильные классы, учебный год еще не кончился. В этот момент скрипнула дверь. На пороге стояла Кларисса.

– Можно войти?

Рахиль Исаковна выдержала паузу.

– А я еще подумаю, можно или нельзя.

Класс отложил ручки и поднял головы. Кларисса безмолвно стояла в дверях.

– Если школа для тебя – дело второстепенное, а на первом месте – романы с мальчиками, зачем вообще сюда приходить? – Риторический вопрос прозвучал едко и отчетливо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.